

ТОМЕК

в стране фараонов

АЛЬФРЕД ШКЛЯРСКИЙ

Иллюстрации Владимира Канивца

Приключения Томека Вильмовского

Альфред Шклярский

Томек в стране фараонов

«Азбука-Аттикус»

1991, 2007, 2018

УДК 821.162.1
ББК 84(4Пол)-44

Шклярский А.

Томек в стране фараонов / А. Шклярский — «Азбука-Аттикус»,
1991, 2007, 2018 — (Приключения Томека Вильмовского)

ISBN 978-5-389-25398-8

После изматывающего странствия по перуанским горам и охваченным революцией районам у границ Боливии и Бразилии Томек и его друзья решают устроить себе отпуск. Выбор места пал на Египет – одну из древнейших мировых цивилизаций, которая издавна манила к себе как отважных исследователей, так и алчных искателей сокровищ. Однако спокойный отдых оборачивается очередным рискованным приключением, когда путешественники соглашаются выполнить поручение знакомого Яна Смуги и поймать банду расхитителей гробниц. Разделившись, компания выдвигается на поиски преступников. Но на этот раз враг коварен, как никогда. Узнав, что за ними идет охота, бандиты нападают на группу Томека, а затем бросают ее участников посреди Сахары. Без пищи и всего лишь с одной гуртой воды на троих – ситуация безнадежнее некуда. И все же спасательной экспедиции во главе со Смугой удастся вызволить товарищей из плена пустыни. Вот только Томека с ними нет... На историях о бесстрашном Томеке Вильмовском, вышедших из-под пера польского писателя Альфреда Шклярского, выросло не одно поколение юных любителей книг. Перед вами новый перевод девятого, заключительного, романа из этого цикла – «Томек в стране фараонов», который был дополнен интересными и познавательными научно-популярными справками. Замечательные иллюстрации к книге создал художник Владимир Канивец. В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

УДК 821.162.1
ББК 84(4Пол)-44

ISBN 978-5-389-25398-8

© Шклярский А., 1991, 2007, 2018
© Азбука-Аттикус, 1991, 2007, 2018

Содержание

I	10
II	21
III	29
IV	41
V	55
VI	63
VII	73
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Альфред Шклярский Томек в стране фараонов

Alfred Szklarski
TOMEK W GROBOWCACH FARAONÓW
Copyright © by MUZA SA, 1991, 2007, 2018

© Перевод. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2024

Издательство Азбука®

ЦИКЛ РОМАНОВ О ТОМЕКЕ ВИЛЬМОВСКОМ

Томек в стране кенгуру
Томек на Черном континенте
Томек на тропе войны
Томек ищет снежного человека
Томек и таинственное путешествие
Томек среди охотников
за человеческими головами
Томек у истоков Амазонки
Томек в Гран-Чако
Томек в стране фараонов

Дорогие читатели!

В последние годы я неоднократно навещал Альфреда Шклярского, и наши многочасовые беседы всегда заканчивались моими вопросами о том, как

же сложится дальнейшая судьба героев книг про Томека. И когда автора цикла не стало, мне показалось само собой разумеющимся завершить роман, набросок которого был уже готов. Свою главную задачу я видел в том, чтобы верно следовать замыслам и стилистике Альфреда Шклярского.

Пока я писал роман, перед моим мысленным взором возникали всё новые подробности последней истории: Салли в гробнице, пребывание героев в Нубийской пустыне, путешествие по Нилу к его истокам.

Семья пана Альфреда передала мне его архив, и я принялся штудировать литературу о Египте, о Ниле...

Так и появилась на свет заключительная книга о приключениях Томека Вильмовского, сопровождавшего юным любителям этого цикла без малого сорок лет. Исполнилась мечта Салли побывать в Долине царей¹, исполнилась мечта читателей, с нетерпением ожидающих продолжения романа-реки.

Адам Зельга

¹ *Долина царей.* Находится в западной пустыне напротив Фив на Ниле (Верхний Египет), где в период Нового царства (1550–1069 годы до нашей эры) располагался царский некрополь. Гробницы фараонов вырубались в известняке, каждой из них на берегу реки соответствовал храм, где совершались обряды, необходимые для загробного благополучия царя.

I

Ночь у подножия пирамид

Солнце медленно опускалось в бескрайние пески Ливийской пустыни, находящейся в северо-восточной части Сахары – самой большой пустыни в мире. На известняковых холмах Эль-Мукааттам, на восточной окраине Каира², гасли розоватые отблески заката.

«Аллах акбар!»³ Пронзительный, протяжный призыв к молитве, которую мусульмане совершают после захода солнца, доносился со стройных минаретов, возвышавшихся над плоскими крышами домов, и, преодолевая шум улиц, отдавался эхом во всех уголках большого города. Певучий завораживающий голос муэдзина⁴ вырывал людей из повседневной суеты. Одни направлялись в мечеть, чтобы под руководством имама⁵ совершить саят⁶ в храме, другие произносили слова саята там, где их застала молитвенная пора. Повернувшись в сторону Мекки⁷, они становились коленями на расстеленные коврики, и не важно где – посреди улицы, у себя дома, в лавках, на базарах, – низко кланяясь, шептали священные слова.

Пока Каир в этот поздний час оглашался молитвами, на другом берегу Нила, всего в нескольких километрах от города, царила полная тишина. В этом месте узкая прибрежная полоса зелени – сады, поля, пальмы вокруг домов – вдруг заканчивалась, а за ней начиналась грозная, мрачная пустыня. В темноте на каменистой равнине, будто на огромном скалистом острове посреди моря желтого шелковистого песка вырисовывались очертания трех исполинских пирамид⁸. Овеянные легендами, они с незапамятных времен притягивали к себе путешественников и ученых всего мира. Поэтому днем у подножия пирамид на обширной каменистой площадке всегда былолюдно и шумно. Больше всего привлекали внимание юркие арабы-египтяне, одетые в просторные галабеи⁹, которые охотно носят жители на юге средиземноморского побережья. Головы местных жителей покрывали белые хлопковые платки – куфии, особым образом завязанные и закрепленные обручем черного цвета – икалем. Арабы-египтяне навязывались туристам в качестве гидов, предлагая свои услуги на разных языках; уговаривали их прокатиться на покрытых яркими чепраками¹⁰ верблюдах, лошадях и ослах. Здесь же продавались и напитки, фрукты, сладости, дешевые сувениры, а толпы мальчишек, как и повсюду в Египте, кланчили бакшиш¹¹. Царившая вокруг ярмарочная суматоха лишала это место при-сущего ему очарования, и только после захода солнца гробницы фараонов погружались в без-молвие.

² Каир – столица Египта, а также самый крупный город Африки. В разные периоды своей истории город носил два имени: Эль-Хахира («Непобедимый») и Умм эд-Дунджа («Мать мира»).

³ «Аллах акбар!» – «Великий Аллах!» (араб.)

⁴ Муэдзин – служитель при мечети, возглашавший (как правило, с минарета) часы молитвы.

⁵ Имам – духовное лицо, руководящее богослужением в мечети.

⁶ Саят – мусульманская молитва, творимая верующими пять раз в день.

⁷ Мекка – город в Саудовской Аравии, в 70 км от Красного моря. Считается главным религиозным центром и местом паломничества мусульман, а также родиной основателя ислама Мухаммеда.

⁸ Речь идет о пирамидах трех египетских фараонов: Хеопса, Хефрена и Микерина.

⁹ Галабея – длинная просторная рубаша до пят с широкими рукавами, без воротника.

¹⁰ Чепрак – суконная или коврая подстилка под седло.

¹¹ Бакшиш – слово, вошедшее в употребление в турецком и арабском языках. Имеет несколько значений: подарок, подношение, чаевые, взятка.

Ночь опустилась внезапно. Яркий закат всего через несколько минут обратился в пресловутую тьму египетскую. Мир объяла темнота. На безоблачном черном небе замерцали звезды. Неспешно выплыла огромная луна. В ее серебристом сиянии вырисовывались неясные контуры пирамид, каменная фигура сфинкса-льва с головой человека. А стелящийся над песками полупрозрачный туман создавал впечатление, что эти величественные сооружения висят в воздухе.

В это уже позднее для обычных туристов время к подножию пирамид приближались двое мужчин с загорелыми на тропическом солнце лицами. Оба были в полосатых галабеях и темно-красных фесках¹². Вместе с ними шла женщина в длинном темном платье. Как и у всех мусульманок, ее голову покрывала большая черная шаль. Этих людей нетрудно было принять за местных жителей, но на самом деле то оказались заядлые путешественники, многое повидавшие на самых разных континентах, – неразлучные друзья-поляки Томаш Вильмовский и капитан Тадеуш Новицкий. Женщина, австралийка по происхождению, была женой Томека по имени Салли.

Все трое остановились у подножия монументальных гробниц. В свете луны, в сиреновом тумане, поднимавшемся над быстро остывавшими песками, их взорам предстало поразительное, незабываемое зрелище. Первым, как всегда, нарушил молчание капитан Новицкий:

– Над чем это вы так задумались? – нетерпеливо поинтересовался он.

– Вид пирамид пробудил мое воображение и оживил воспоминания, – ответил Томек. – Ты только подумай, капитан. Ведь когда-то греческий историк и путешественник Геродот, прозванный отцом истории, как и мы сейчас, смотрел на эти гробницы фараонов, и было это четыреста пятьдесят лет назад до нашей эры. К тому времени пирамиды стояли здесь свыше двадцати веков! И все-таки не этот факт, как он ни поразителен, взволновал меня. Освещение,

¹² Феска – мужская шапочка из фетра или шерсти в виде усеченного конуса с кисточкой.

сама здешняя обстановка напомнили мне о нашей первой экспедиции в Африку¹³. Помнишь, Тадек, Лунные горы? Их вершины вздымались ввысь в точности так же, как вершины этих пирамид.

– Подожди, подожди... что-то припоминаю... Ах да, горный массив Рувензори на границе Уганды и Конго! Мы отправились за гориллами и окапи, да-да, теперь вспомнил. Неплохой был вид, но это из-за нависавших низко туч. А тут – ни одной!

– Все верно! Зато здесь воздух наполнен пылью пустыни и туманом.

– Ох, мальчики! – вмешалась Салли. – Неужели вы не понимаете, что с вами говорят тысячелетия?

– Голубка ты наша сизокрылая, да как же мы можем об этом забыть, если ты все время нам об этом напоминаешь?

– Ну уж я-то знаю, что из сказанного мною в твоей памяти ничего не останется.

– Ты думаешь? Ошибаешься! Разбуди меня ночью, и я тут же скажу: гробница Хеопса¹⁴ возведена четыре с половиной тысячи лет тому назад, и только подготовка путей для перевозки строительных материалов заняла десять лет, а еще двадцать – сооружали саму гробницу. По сто тысяч каменщиков, плотников и чернорабочих работали три месяца в году, когда разливался Нил. Сколько же бедняг расстались здесь с жизнью! Не могу избавиться от мысли, что вокруг нас витают тысячи душ, не могу забыть о тех, кто отдал жизнь в угоду тщеславию фараонов. Да, ты права – здесь с нами говорят тысячелетия...

Салли невольно поежилась и плотнее закуталась в шаль. Помолчав, девушка произнесла:

– Я как-то не задумывалась об этом до сих пор... Конечно, без стольких жертв было не обойтись... Но ведь не только тщеславие побуждало фараонов возводить такие величественные гробницы. Древние египтяне верили, что человеческая душа бессмертна. После того как человек умирает, его душа превращается в тень и переносится в мир мертвых, который находится между Небом и Землей. Однако даже там душе все еще необходимы средства для существования. Вот поэтому умерших погребали в гробницах куда более прочных, чем обычные жилища.

– Знаю-знаю, ведь ты уже не раз об этом рассказывала, – снова прервал Салли Новицкий. – Я считаю все это языческими верованиями и обычаями. Многие египтяне, должно быть, думали так же, как и я, если не гнушались воровать спрятанные в гробницах ценности. Фараоны начали строить гробницы только из гордости. Другие люди ограничивались менее дорогостоящими мастабами¹⁵, которых здесь полным-полно.

– Фараонов почитали как богов. Испокон веков выше них не было никого как среди живых, так и среди мертвых. – Салли не давала сбить себя с толку. – В мастабах хоронили высших придворных, чтобы они могли и дальше служить своему правителю в загробной жизни. Даже быть похороненным в тени гробницы фараонов считалось величайшей честью.

– Ничего удивительного, что в Египте давно хозяйничают иностранцы, поскольку сами египтяне тратили время на построение гробниц и языческие обряды, – подытожил Новицкий.

– Ну-ну, капитан, а сам-то ты разве не хотел, чтобы тебя похоронили у ног прекрасной рани Алвара¹⁶, о которой ты столько рассказывал... – съехидничала Салли.

¹³ Эту историю можно прочесть в книге «Томек на Черном континенте».

¹⁴ *Хеопс*, или Хуфу, – египетский фараон начала XXVII века до нашей эры. По его приказу была построена Великая пирамида Хеопса – крупнейшая из египетских пирамид в Гизе. Ее возраст оценивают примерно в 4500 лет.

¹⁵ *Мастаба* – древнейший тип гробниц в Древнем Египте. Мастаба состояла из подземной погребальной камеры, ведущей к ней вертикальной шахты и надземной постройки в виде трапеции, возводимой из высушенного кирпича либо камня.

¹⁶ Встреча героев с рани Алвара описана в книге «Томек ищет снежного человека». *Рани* – титул женщины-правительницы в Индии. *Алвар* – город и столица одноименного княжества в Северо-Западной Индии к югу от Дели. В настоящее время город в штате Раджастан.

Все рассмеялись над этой шуткой, но через мгновение Томек возобновил серьезный разговор:

– Это правда, что захватчики чувствуют себя здесь как дома. Уже две с половиной тысячи лет, то есть со времени персидского вторжения, в Египте правят чужеземцы. Этой землей владели эфиопы, гиксосы, ассирийцы, вавилоняне, персы, греки, римляне, турки, французы, а в настоящее время власть принадлежит британцам, которых египтяне ненавидят.

– Что-то мне кажется, они тут надолго не задержатся, – заметил Новицкий. – Все громче слышатся речи о Египте для египтян.

– В любой момент может произойти взрыв, – сказал Томек. – Египтяне уже показали свои когти тридцать лет назад.

– Тридцать лет назад, говоришь? Подожди, подожди... Или ты имеешь в виду восстание Ахмеда Араби-паши?¹⁷

– Да, именно! Восстание против англичан!

– Я в ту пору был еще сопляком, но все же припоминаю эти драматические репортажи в газетах. В Каире и Александрии погибли десятки европейцев, а британский консул получил тяжелое ранение. Громили лавки, жгли дома. Тогда англичане обстреляли Александрию из корабельных орудий и подавили восстание, но сейчас земля все сильнее горит у них под ногами.

– Египтяне не любят англичан, это естественно. Кто вообще в здравом уме любит захватчиков?!

– У нас, между прочим, британские паспорта, – напомнил Новицкий. – Поэтому я бы не советовал мозолить глаза египтянам и таскаться по разным закоулкам.

– Дорогие мои, я думаю, опасность преувеличена, – вмешалась Салли. – В этих одеяниях вы так похожи на арабов, что я жду не дожусь, когда вы начнете носить с собой коврики для молитвы. Меня, однако, оставьте в покое, я не буду закрывать себе лицо на улице.

– Не ворчи, голубка! – отшутился Новицкий. – С волками жить – по-волчьи выть. А что касается рани Альвара, – обиженно добавил он, – так и ты бы ей в пояс кланялась уже хотя бы потому, что она относилась к нам, полякам, а особенно... кхм, к одному, с большой теплотой.

– Капитан... – попытался остановить Новицкого Томек, но Салли, к счастью, ничего не услышала и с энтузиазмом продолжила лекцию.

– Египтянам нет смысла ненавидеть всех европейцев. Ведь не все же они приходили в Египет ради завоеваний. Как бы то ни было, Наполеон уничтожил пятисотлетнее жестокое господство мамелюков¹⁸, заложил основу европеизации Египта. Доставленные им в Египет сто пятьдесят французских ученых основали в Каире Институт Египта, изучали историю и культуру Древнего Египта. Художник Денон¹⁹, рискуя жизнью, исследовал старинные памятники в долине Нила и делал их наброски. Научные открытия французов впервые после эпохи Древнего Рима воссоздали для мира забытую культуру и историю Древнего Египта.

– С этим не поспоришь, – согласился Новицкий, – однако...

– Я еще не закончила, – перебила его Салли. – Солдаты Наполеона обнаружили знаменитый Розеттский камень, благодаря которому историк Шампольон²⁰ расшифровал таинствен-

¹⁷ Восстание Ахмеда Араби-паши произошло в сентябре 1881 года и привело к отставке хедива Тауфика, а также созданию народного правительства.

¹⁸ *Мамелюк* (араб. «белый раб») – воин личной гвардии египетских султанов. Солдат туда набирали из турецких и кавказских невольников. В середине XIII века мамелюки захватили власть и правили до завоевания Египта Турцией в XVI веке.

¹⁹ *Доминик Виван-Денон* (1747–1825) – французский график, гравер, писатель, дипломат. Считается одним из основателей музейного дела во Франции.

²⁰ *Жан Франсуа Шампольон* (1790–1832) – востоковед, член французской Академии надписей и изящной словесности, основоположник египтологии как науки. Благодаря его расшифровке текста Розеттского камня стало возможно чтение египетских иероглифов.

ные египетские иероглифы. Во многом благодаря этому открытию стало возможным прочесть надписи на стенах дворцов, храмов и гробниц, а также перевести тексты папирусов, проливающих свет на драматическую историю долины Нила.

– Розетта? – заинтересовался Новицкий. – Небольшой порт на берегу западного рукава дельты Нила? И что за магический камень там нашли?

– В нем не было никакой магии. Во время фортификационных работ в городке Рашид, который тогда европейцы называли Розеттой, расположенном на берегу Нила, в нескольких десятках километров от Александрии, солдаты отыскали базальтовую плиту. На ней были высечены три текста, два из них на древнеегипетском языке, начертанные древнеегипетскими иероглифами и египетским демотическим письмом²¹, и один на древнегреческом языке. Как выяснилось позже, текст содержал благодарность жрецов из Мемфиса²² за милости, оказанные им Птолемеем Пятым²³. Сравнение текстов, записанных в трех вариантах, дало ключ к решению загадки иероглифов.

– Действительно, непростая находка, – согласился Новицкий. – Неудивительно, что французы решили вывезти эту плиту.

– Хотели, да не вышло. Наполеону пришлось спешно возвратиться во Францию, а оставленная им в Египте армия вскоре потерпела поражение от англичан. После капитуляции французы должны были вернуть все награбленные ценности, в том числе и Розеттский камень. И все же французские ученые успели снять с надписей на плите копии и слепки, а сама она находится сейчас в Англии.

– Интересно, как она выглядит, – сказал Новицкий.

– Я видела ее в Британском музее в Лондоне. Это черная базальтовая плита размером со стол. На отполированной поверхности сверху вниз в три ряда высечены три текста. Она установлена на вращающейся подставке под стеклом так, чтобы ее можно было осмотреть с обеих сторон.

– Интересные вещи рассказываешь, голубка! Судя по всему, в Англии ты времени зря не теряла. О Египте осведомлена не меньше профессора истории, – оценил Новицкий. – Не поспоришь с тобой, но я знаю и другое. Французы правили здесь твердой рукой и всячески притесняли египтян. Не оставили о себе хороших воспоминаний. Честно говоря, я тоже не питаю к лягушатникам добрых чувств. Не могу простить Наполеону то, что он обманул поляков. Только Косцюшко раскусил его и отказался иметь с ним дело.

²¹ *Демотическое письмо* – упрощенная форма египетского письма.

²² *Мемфис* – древнеегипетский город на западном берегу Нила. В период Древнего царства (XXVIII–XXIII века до нашей эры) служил царской резиденцией, а также культурным и религиозным центром Древнего Египта. К сожалению, сейчас от города остались только развалины в 30 км южнее Каира.

²³ *Птолемей V* – царь Египта, правивший в 205–180 годах до нашей эры.

Косцюшко (Костюшко), Тадеуш Анджей Бонавентура (1746–1817) – национальный герой Польши. Участник Войны за независимость США (1776–1783). Руководитель польского восстания (1794), в бою был ранен, взят в плен и заключен в Петропавловскую крепость. В 1796 г. помилован Павлом I, эмигрировал в США. В 1798 г. вернулся в Европу, жил во Франции и Швейцарии.

– Печально, но правда, – вмешался Томек. – Наполеон обманул ожидания поляков, а они пролили за него столько крови, в том числе в ходе Египетской экспедиции. Вспомнить хотя бы Сулковского, Лазовского²⁴, генерала Зайончека²⁵, позже наместника в Царстве Польском.

– Я читал роман об Юзефе Сулковском²⁶, адъютанте Наполеона. В битве у пирамид он командовал гусарами и получил семь рубленых ран и три огнестрельных. Хорошо знал арабов и говорил по-арабски. Повстанцы в Каире зарубили его. – Новицкий всегда был готов поддержать разговор, если речь шла о Польше.

²⁴ *Юзеф Феликс Лазовский* (1759–1812) – дивизионный генерал. Во время участия в Египетской кампании Наполеона Бонапарта являлся главным военным инженером и картографом.

²⁵ *Юзеф Зайончек* (1752–1826) – польский и французский генерал, поддержавший восстание Тадеуша Косцюшко. В 1795 году восстание разгромили, а Зайончека взяли под арест. Спустя год был освобожден, и эмигрировал во Францию, где участвовал в кампаниях Наполеона.

²⁶ Речь идет о романе польского прозаика Мариана Брандыса «Адъютант Бонапарта».

Сулковский, Юзеф (1773–1798) – польский офицер, служивший адъютантом Наполеона Бонапарта. Сражался в Русско-польской войне (1792); принял участие в восстании Тадеуша Косцюшко (1794), в Итальянской (1796–1797) и Египетской (1798–1801) кампаниях, организованных Наполеоном. В последние месяцы жизни поляк написал три очерка: «Письмо с Мальты», «Заметки о египетской экспедиции» и «Описание пути из Каира в Эль-Сальхия».

Оживленно беседуя, все трое шли по каменистой равнине, потом остановились перед вырисовывающейся в темноте могучей фигурой сфинкса. Салли, так близко к сердцу принимавшая события времен минувших, попыталась вернуть настроение, владевшее ими в начале этой лунной ночи.

– Сколько необыкновенных вещей мы бы узнали, если бы эти величественные пирамиды могли говорить, – со вздохом произнесла девушка. – Ведь они воочию видели владык мира: Александра Македонского²⁷, Юлия Цезаря, Марка Антония, царицу Клеопатру, Наполеона. Ну и вашего Сулковского, если он участвовал в битве у подножия пирамид, – добавила она, желая угодить друзьям. Но ее реплика только подлила масла в огонь спора.

– Битва у пирамид разгорелась отнюдь не у их подножия. – Томек считал своим долгом внести кое-какие уточнения и, как обычно, сделал это с присущей ему скрупулезностью. – Битва, в которой победили французы, происходила на западном берегу Нила в четырнадцать километров от пирамид, у местечка Имбаба, сейчас это пригород Каира. Романтическое название возникло позже, и, скорее всего, потому, что Наполеон произнес свою знаменитую речь перед солдатами перед началом сражения: «Сорок веков смотрят на вас с высоты этих пирамид!»

– Видимо, все так и было, – согласился Новицкий. – Но ты только посмотри на сфинкса. Разве не ядра так изуродовали голову льва с человеческим лицом?

²⁷ *Александр Македонский*, или Александр III Великий (356–323 годы до нашей эры), – царь Македонии (с 336 года до нашей эры) и выдающийся полководец. Подчинил себе большую часть Азии, дойдя до Индии и Пакистана. Зимой 332/331 года Александр Македонский занял Египет, а в 332 году в дельте Нила основал Александрию.

– Действительно, на его голове явно видны следы пушечных ядер, но это дело рук мамелюков за несколько сотен лет до прихода сюда французов. Они никак не могли уничтожить сфинкса и поэтому стали использовать его в качестве мишени для стрельбы из орудий.

– Правда? – изумился Новицкий. – И египтяне не протестовали против такого вандализма?

– Тогда египтяне еще не понимали, какое наследство досталось им от фараонов, а захватившие Египет мусульманские фанатики сделали все, чтобы уничтожить следы великого прошлого Египта.

– Вы оба правы, но лишь отчасти, – вмешалась Салли. – Сфинксу отбил нос дервиш²⁸ – мусульманин Саим ад-Дахр, которого возмутило, что монумент особо почитали местные жители.

– И теперь выходка того мусульманина обеспечивает приток туристов, – пошутил Томек.

– Да, наш «хеопсик» учуял, что безносый он куда более популярен, – в тон другу добавил Новицкий.

Однако неугомонная Салли, будто их не слыша, продолжала:

– Арабы принесли с собой в Египет собственную культуру, развитые науку и искусство, и они намеренно уничтожали египетские памятники. При строительстве нового Каира в качестве стройматериалов использовались фрагменты монументальных памятников эпохи фараонов. Из древней столицы Египта, Мемфиса, арабы вывозили порталы, колонны, даже стены храмов. Разбирали триумфальные арки времен римского владычества. Вот эта возвышающаяся над Каиром крепость, возведенная при султанине Саладине²⁹, сложена из камней небольших пирамид. К тому же и природа сделала свое черное дело. Ведь еще в древности пески пустыни занесли сфинкса так, что на поверхности оставалась только одна огромная голова. Таким и увидел его Денон³⁰ и запечатлел на одном из рисунков.

– Ты хочешь сказать, что до этого никто не обращал внимания на сфинкса? – снова изумился Новицкий.

– Если мне не изменяет память, фараон Тутмос Четвертый велел расчистить песок вокруг сфинкса и окружить изваяние стеной из обожженного кирпича, но песчаные бури вновь засыпали монумент, и песок еще не раз пришлось убирать!

– Я слышал, в Египте есть множество сфинксов, но этот – самый знаменитый, – вспомнил Новицкий. – А вообще-то, интересно, каким все-таки образом они приволокли сюда целую скалу?

Салли только и ждала этого вопроса. Она увлеченно принялась рассказывать о создании сфинкса. Сообщила, как после окончания возведения пирамиды Хеопса дорогу для перевозки камней превратили в платформу, ведущую от нижнего к верхнему храму, который тогда соорудили у подножия пирамиды Хефрена³¹, сына Хеопса. Как на первом отрезке новой платформы наткнулись на монолит, сохранившийся здесь со времен существования каменоломни. Формой скала напоминала лежащего льва. Из нее высекли фигуру громадного зверя в пятьдесят метров в длину и двадцать – в ширину, наделив его лицом фараона Хефрена. Обращенный на восток сфинкс с ликом Хефрена стал символом стража пустыни, символом тайны.

²⁸ *Дервиш* – мусульманский нищий монах.

²⁹ *Саладин*, или Салах ад-Дин (1138–1193), – султан Египта, Сирии, Ирака, Хиджаза, Курдистана, Йемена, Палестины, Ливии; военачальник, мусульманский лидер XII века.

³⁰ *Доминик Виван Денон* (1747–1825) – французский график, писатель и дипломат. Один из основателей музейного дела во Франции.

³¹ *Хефрен* – египетский фараон, правивший приблизительно в конце XXVII – начале XXVI века до нашей эры. Пирамида Хефрена является второй по величине пирамидой в Гизе после Великой пирамиды Хеопса. Также считается, что на Великом сфинксе высечено лицо именно этого фараона.

Салли уже не могла остановиться. Объяснила, что гробница состояла не из одного строения и что пирамида являлась главной ее частью. Расположение отдельных элементов архитек-

турного ансамбля было тесно связано с ритуалом погребения фараона. Впоследствии это облегчило исследование общественных отношений в Древнем Египте и так далее и тому подобное.

В какой-то момент Новицкий, человек весьма любознательный, перестал слушать бесконечную лекцию Салли. Он незаметно для товарищей осматривался и глубоко вдыхал воздух, будто зверь в предчувствии опасности. Зная друга как себя, Томек тут же сообразил, что капитан чем-то взволнован.

– Тадек, что случилось? – вполголоса осведомился юноша, вглядываясь в окружающую их тьму.

– Запах какой-то... – пробурчал Новицкий и тут же повернулся к Салли, которая внезапно умолкла. – Ты рассказывай, рассказывай, голубка, не обращай на меня внимания. Только не отходи никуда, оставайся между мной и Томеком.

Салли, знавшая капитана так же хорошо, как ее муж, и привыкшая к неожиданностям во время охотничьих экспедиций, тут же все поняла. Как ни в чем не бывало она продолжила рассказ о том, что современные исследователи и археологи обнаружили внутри пирамид.

Томек верил в безошибочное чутье Новицкого. Если его что-то насторожило, то не просто так. От пирамид веял холодный ночной ветер. По примеру Новицкого Томек глубоко втянул воздух и тихо сказал:

– Вроде бы пахнет прогорклым жиром...

– Верно, это и встревожило меня, – согласился Новицкий. – Где-то поблизости прячутся арабы. Они готовят на оливковом масле, и потому их одежда пропитана его запахом.

Салли ненадолго умолкла, но Новицкий тут же обратился к ней:

– Значит, ты говоришь, что в пирамиде Хеопса ничего не нашли, а в гробнице Хефрена оказался лишь пустой саркофаг.

– Только в пирамиде Микерина³² оставались каменный саркофаг и гроб из кедрового дерева, в который положили мумию царя.

– А что с ним случилось? – спросил Новицкий, беспокойно озираясь.

– Корабль, который должен был перевезти их в Англию, потонул неподалеку от побережья Испании. Трехтонный каменный саркофаг затонул, а гроб несколько дней носило по волнам, потом его выловили и выставили в музей в Лондоне.

– Внимание! Арабы укрылись справа у подножия сфинкса, – прошептал Томек.

– Вижу, вижу, и сзади к нам тоже приближаются, – пробормотал Новицкий. Достав трубку, он набил ее табаком.

– Скоро рассветет, так что на нас нападут сейчас, – чуть ли не шепотом произнес Томек. – По-видимому, их много, иначе бы они не осмелились.

– Отец предупреждал, чтобы мы не шлялись по ночам, – негромко укорила его Салли.

– Не переживай, голубка, нам это не впервой, – успокоил ее Новицкий. – Бери-ка лучше мой кольт и в случае чего стреляй под ноги.

Салли, взяв револьвер, спрятала его под одеждой. А Новицкий тем временем беззаботно попыхивал трубкой.

– Сейчас они возле сфинкса, приближаются... – прошептал Томек.

– Займись ими, а я теми, что позади. – В голосе Новицкого явно чувствовалось оживление, он обожал подобные авантюры. Неторопливо выбив трубку, он молниеносно развернулся.

Двое бугаев в галабеях и тюрбанах как раз поднимались с земли. Вооруженные короткими толстыми дубинками, они бросились на Новицкого, а тот, ни секунды не мешкая, ударом ноги послал им в физиономию добрую порцию пустынного песка.

– Ибн-эль-кель! – хрипло выругался один из налетчиков, пытаясь проморгаться.

³² *Микерин* – египетский фараон, правивший около 2510 года до нашей эры. Построил меньшую из трех знаменитых пирамид Гизы, высота которой примерно 66 м.

– Семейю оскорбляешь?! – разъярился Новицкий. Как и любой моряк, он в совершенстве владел разноречивой бранью. Одним прыжком подскочив к бандиту, он с размаху нанес ему удар в челюсть.

Тот повалился на песок. Второй нападавший, до сих пор не пришедший в себя из-за песка в глазах, отбросил дубинку и выхватил длинный кривой бедуинский тесак. Новицкий тут же отпрянул, сорвал с себя галабею и мгновенно набросил ее на голову арабу. В тот же миг прогремел выстрел, а за ним раздался вопль.

«Салли!» – мелькнуло в голове Новицкого, и он тут же повернулся к друзьям.

Пока капитан расправлялся с двумя верзилами, еще трое накинулись на Томека и Салли. Один с палкой атаковал Томека спереди, другой, подкравшись сзади, схватил его за горло. Достойный ученик Новицкого, Томек прекрасно владел приемами рукопашного боя. Юноша вдруг резко нагнулся и переброшил противника через плечо. Салли тоже не теряла времени даром. Едва бандит успел замахнуться на нее палкой, как девушка, стремительным движением вытащив кольт, нажала на спуск и выстрелила в песок прямо у ног нападавшего. Пуля, отрикошетив от каменистой поверхности, ранила одного из злоумышленников.

Бандиты явно не ожидали выстрела, как, впрочем, и яростного и умелого отпора. Это здорово охладило их пыл – мало-помалу они стали отступать к деревьям, растущим у берега Нила. Самый первый из нападавших, которому досталось от Новицкого, перед тем, как броситься в бегство, погрозил кулаком и злобно прокричал:

– Джихроб бейтак!

Новицкий захохотал:

– Он пожелал, чтобы сгорела моя халупа! Ну и черт с ним! Пусть катится! Смотрите, уже светает!

Небо, еще черное над Каиром, на востоке начинало светлеть. Холмы Эль-Мукаттам розовели. Лучи восходящего солнца рассеивали расстилавшийся над Нилом туман. Со стороны города стали доноситься призывы муэдзинов к утренней молитве. Наступало утро еще одного знойного дня.

– Давайте-ка отправимся домой, – вполголоса предложила Салли. – Отец уже должен вернуться, и, наверное, вместе с господином Смугой...

– Да-да, пора идти, – согласился Новицкий. – Ну что ж, Томек, начало недурное, а когда придет Ян, будет еще интереснее.

Азартно потирая руки, он многозначительно посмотрел на друга.

II В Каире

Решение отправиться на каникулы в Египет вместо того, чтобы преодолевать тяготы очередной профессиональной экспедиции, было принято в далеком Манаусе, в Южной Америке. Поляки и их друзья едва успели опомниться от измотавшего их странствия по перуанским горам, пустыням и джунглям, через охваченные революционным брожением районы у границ Боливии и Бразилии. Эта экспедиция сильно отличалась от всех предыдущих. Единственное сходство состояло в необходимости, как и прежде, преодолевать свои слабости в самых разных географических и климатических условиях – то есть подвергаться привычному и знакомому любому путешественнику риску. Однако к этому риску прибавились и опасения за жизнь и здоровье друзей, и нехватка средств для выживания, и расчет лишь на слепую фортуна. Последняя экспедиция изначально готовилась как спасательная и была предпринята с единственной целью – освободить из плена знаменитого зверолова и путешественника Яна Смуту. В ходе экспедиции по воле случая в беду попали не только спасаемые, но и сами спасатели³³. И когда Томек на прощальном вечере в Манаусе вспомнил о давно планируемых каникулах, идея о поездке в Египет показалась необычайно привлекательной.

Больше всего обрадовалась, разумеется, изучавшая археологию Салли: она давным-давно мечтала своими глазами увидеть Долину царей. К молодежи с большой охотой присоединился и отец Томека, Анджей Вильмовский, уже порядком уставший от постоянного риска, связанного с избранным им способом зарабатывать на жизнь. С тех пор как по милости российских властей он был вынужден покинуть Варшаву, в бесконечной череде следовавших одна за другой экспедиций в самые экзотические страны мира его не покидало чувство, что он постоянно от чего-то убегает. И теперь ему просто захотелось перевести дух и отдохнуть по-человечески. Ладно, Египет так Египет. Вильмовского-старшего привлекала эта страна, в особенности ее сухой климат, который, по слухам, помогает при лечении ревматизма. А приступы досаждали ему все чаще и чаще. Именно этот довод капитан и привел в качестве решающего в разговоре с друзьями.

Тадеуша Новицкого, в свое время боцмана, а теперь капитана и, со времени пребывания в Алваре, еще и счастливого обладателя прекрасной яхты, преподнесенной моряку в дар столь часто вспоминаемой им рани, не было нужды уговаривать принять участие в любой вылазке, если она сулила приключения. Новицкий давно считал Томека и Салли родными по крови и без крайней нужды не расставался с ними. На предложение Томека он откликнулся с энтузиазмом, ведь из Англии до Египта можно было добраться и на яхте – предмете его большой гордости.

Увы, но Карские не могли позволить себе каникулы: слишком важной представлялась Збышеку Карскому, двоюродному брату Томека, постоянная работа в каучуковой компании «Никсон-Рио-Путумайо». Она обеспечивала ему и его жене Наташе после стольких трудных лет вполне пристойное существование в ближайшем будущем. И надо сказать, Вильмовские прекрасно это понимали.

³³ Речь идет о спасательной экспедиции, описанной в книге «Томек в Гран-Чако».

Несколько опечалило всех известие о том, что с ними не будет Смуги. Его, как и Збышека, задерживали в Манаусе новые серьезные обязанности. После окончания последней экспедиции он стал партнером в фирме «Никсон-Рио-Путумайо».

В отличие от Карских, никого не убедили объяснения Смуги. Его краткая речь свелась к тому, что, мол, он не много потеряет, поскольку «в Египте уже бывал», а затем, по обыкновению, Ян замолчал и закурил трубку.

Не впервые жизнь разводила друзей подобным образом, чтобы потом вновь свести, и эти встречи всегда приносили им радость. Поэтому Вильмовские и Новицкий отбывали в Лондон не только в хорошем настроении, но и преисполненные надежд.

Однако по прибытии в Лондон обнаружились всякого рода трудности, большие и не очень, из-за чего продолжение поездки откладывалось. Сначала оказалось, что неизменному участнику охотничьих экспедиций, псу Динго, предстоит длительное лечение в ветеринарной клинике. Нарыв на левой лапе – память об экспедиции в Бразилии – никак не желал затягиваться. Не все было ладно и с яхтой Новицкого, отданной во временное пользование знакомому Гагенбека, который отправился на ней в плавание по Средиземному морю. Выяснилось, что во время шторма яхта повредилась, ей предстоял долгий и дорогостоящий ремонт. Знакомый Гагенбека, сознавая свою ответственность, намеревался выкупить яхту, и Новицкий скрепя сердце принял это предложение.

– Собственная яхта у моряка с варшавского Повислья? Да это все равно что роскошную хризантему приколоть к полушубку, – беспечно бросил капитан, старательно скрывая от друзей свое огорчение. И тут же приобрел билеты на пассажирское судно, идущее в Александрию.

Незадолго до отплытия из Манауса неожиданно пришла телеграмма. В ней Ян Смуга уведомил об изменении обстоятельств, которые теперь позволяли ему отправиться в Египет, и просил помочь ему с поездкой. Смуга предложил, чтобы Вильмовские с Новицким дождались его в Каире, где он уже снял для них удобную частную квартиру.

Во время плавания на корабле заинтригованные друзья Смуги терялись в догадках – что же могло заставить Смугу столь неожиданно изменить решение. Известие о его приезде, разумеется, весьма подняло настроение Томека и Новицкого – сейчас, когда они избавились от усталости, оба в глубине души опасались, как бы эта чисто туристическая поездка в Египет не оказалась слишком уж спокойной и монотонной. А с прибытием Смуги, судя по всему, скука им не грозит.

Гагенбек (Хагенбек), Карл (1844–1913) – немецкий дрессировщик, зоолог, коллекционер диких животных, основатель зоопарка в Штеллингене около Гамбурга – первого в мире, в котором животным были созданы естественные природные условия. В 1908 г. выпустил книгу «О зверях и людях», в которой подробно рассказал о выстроенной им новой системе акклиматизации и содержания диких животных в зоопарках.

Хоть Ян Смуга и был их старым другом, с которым они пережили столько трудных и радостных дней, в каждой новой экспедиции они открывали для себя много нового о нем. Так, выяснилось, что Ян изучил сигнальную систему негритянских тамтамов в те времена, когда он помогал племени ватуси сражаться против немецких колониальных войск на южном побережье озера Виктория. В другой раз обнаружили его связи с выдающимися путешественниками-исследователями. Оказалось также, что он участвовал в рискованных экспедициях вместе с пандитами³⁴, проникавшими в страны Центральной Азии. А в последней экспедиции друзья убедились, что Смуга был на короткой ноге с вождями индейских племен, сопротивлявшихся белым поработителям. Сколько же еще подобных сюрпризов скрывали извилистые пути его судьбы? Может, отыщется и тот, который так или иначе связан с Египтом?

Неожиданная перемена планов и сообщение, что Ян Смуга рассчитывает на помощь друзей, – все это могло означать лишь одно: предстоит нечто необычное. В этом сомневаться не

³⁴ *Пандит* – звание индийских ученых. Такое звание часто дается индийцам, специально подготовленным англичанами для географических экспедиций в страны Азии, такие как Тибет, Памир и так далее, куда въезд чужестранцам был долгое время запрещен.

приходилось. Не напрасно отец Томека, дольше всех знавший выдающегося зверолова, не раз повторял, что за Смугой тенью следуют удивительные события.

Уже почти три недели они отдыхали в Каире, не спеша знакомясь с городом. И вот как-то утром пришло известие, что судно, на котором Смуга отправился из Англии, скоро прибудет в александрийский порт. Анджей Вильмовский тут же выехал в Александрию, чтобы встретить друга, а слегка утомленные Каиром молодые Вильмовские, дабы скоротать время, придумали себе ночную прогулку в Гизу³⁵ «под надзором» Новицкого. Вот только они никак не ожидали, что прогулка принесет им столько впечатлений.

Когда на извозчике они возвращались домой, уже светало.

– «Кто не видел Каира, тот не видел ничего», – вздохнула Салли.

– Что ты сказала, голубка? – думая о своем, спросил Новицкий.

– Просто повторяю древнее арабское присловье, – ответила Салли. – Знаете ли вы, что «Каир» означает «Победитель»?

– Ну, если ты это утверждаешь... – уставший Томек явно не хотел вступать в дискуссию.

– Вся история началась... с голубки. – Салли ничуть не обиделась на отсутствие интереса к ее рассказу. – Но сначала здесь располагалась крепость под названием Вавилон.

– А позднее тут правили римляне, – вставил Томек.

– Именно так. В конце концов сюда добрались арабы. Их предводитель, Амр ибн аль-Ас, в 640 году заняв Александрию и тогдашнюю столицу Мемфис, двинулся на восток.

– И остановился в окрестностях старой части нынешнего Каира.

– Да, там, где Нил разделяется на рукава, образуя дельту, в месте, где росли полусасыпанные песком пальмы.

– И разбил свой лагерь? – все же позволил втянуть себя в разговор Новицкий.

– Совершенно верно. Он вынул из ножен украшенный драгоценностями меч, провел им линию на песке и отдал приказ: «Здесь быть моему шатру». Кстати, по-арабски Эль-Фустат означает «шатер». Но вернемся к нашей истории. Утром оказалось, что наверху шатра свила гнездо голубка. Это признали добрым предзнаменованием и поставили на этом месте первую в Африке мечеть, похожую на шатер, и назвали ее Амра. А вокруг храма начал разрастаться старейший район Каира, именуемый в память славной победы Эль-Фустат.

– А с какого времени он носит свое нынешнее название? – допытывался Новицкий.

– С десятого века, когда власть перешла к династии Фатимидов. Легенда гласит, что над Эль-Фустатом появилась идущая от планеты Марс светящаяся полоса, и поэтому столица получила имя Эль-Кахира – по арабскому наименованию планеты Марс, что в переводе означает «Победитель».

Открытая извозничья пролетка³⁶, запряженная исхудавшей клячей, неторопливо катилась по дороге вдоль берега. Среди садов и пальм, освещенных утренним солнцем, над каналом белели виллы, потом появились старые обшарпанные дома, а ближе к реке – современные многоэтажные здания. Пролетка въехала на мост, соединяющий западный берег Нила с островом Эр-Рода. Внизу по мутной илистой воде проплывали фелюги³⁷ и огромные баржи с высоко задранными носами, груженные разными товарами: сеном, сорго, арбузами, зелеными дынями, сахарным тростником, глиняной посудой. Для того чтобы пропустить суда с высокими мачтами и с большими, наполненными ветром треугольными парусами, у всех каирских мостов через Нил средняя часть была оборудована подъемником.

³⁵ Гиза – город в Египте, расположенный на левом берегу Нила.

³⁶ Пролетка – легкий открытый четырехколесный двухместный экипаж.

³⁷ Фелюга – небольшое парусное судно прибрежного плавания. В основном используется на Средиземном, Черном, Азовском и Каспийском морях. Предназначено для рыбного промысла и перевозки небольших грузов.

Едва пролетка въехала на остров, как араб-извозчик повернулся к пассажирам и на ломаном английском гортанно возвестил:

– Остров Эр-Рода! Здесь недалеко есть ниломер³⁸, на южном мысу, не хотите посмотреть?

– Нет, езжай дальше и подгони свою клячу – мы хотим побыстрее попасть домой, – по-английски ответил ему Новицкий и, обращаясь к сидящим напротив Вильмовским, добавил по-польски: – Нам надо поторопиться: может, сегодня придет известие от отца? Вообще-то, я слышал кое-что о египетских устройствах для измерения уровня воды в реке. Вдоль Нила их целая цепочка, и за пределами Египта тоже.

– Ничего удивительного, Нил – это жизнь и смерть для египтян, – заметил Томек. – Еще древнегреческий историк Геродот писал, что Египет является даром Нила, а его существование полностью зависит от этой одной-единственной реки, у которой нет притоков и которую не подпитывают дожди... Река, которая целых тысячу пятьсот километров течет по одной из самых страшных пустынь на Земле. Исчезни Нил хотя бы ненадолго, для Египта это обернулось бы катастрофой.

– Я читала, что египтяне измеряют уровень воды в Ниле с незапамятных времен. Основываясь на тщательно записываемых результатах измерений, они определяют будущий урожай и величину податей, – продолжила тему Салли. – Записи ведутся непрерывно с 622 года, нигде в мире нет ничего подобного. Ниломеры устанавливали в каждом храме, во всех городах и селениях, располагавшихся поблизости от реки. Результаты замеров посылали в Каир.

– А что, ниломер на острове Эр-Рода самый старый? – полюбопытствовал Новицкий.

– Да нет, но он построен в 716 году, первым после прихода арабов, – уточнила Салли.

Извозчицья пролетка ехала узкими запустелыми улочками и вскоре достигла моста, соединяющего остров Эр-Рода с расположенным на восточном берегу Нила Старым Каиром. Они быстро миновали не очень широкую здесь реку. Далее параллельно набережной тянулась длинная улица Каср-аль-Айни, доходившая до юго-западного квартала.

В городе, как и всегда, с самого рассвета царил шум и оживление. В толпе прохожих, облаченных в длинные белые и полосатые галабеи, тюрбаны и фески, попадались по-европейски одетые мужчины – служащие учреждений и фирм. Женщин встречалось не много, все в черных длинных платьях, с прикрытыми платками лицами. Перед магазинчиками, у которых нередко отсутствовали передние стены и витрины, продавцы громко нахваливали восточные и западные товары. Некоторые раскладывали их на тротуаре, развешивали по стенам домов. Брадобреи, портные, сапожники, чистильщики обуви, вообще ремесленники работали прямо на улице, расположившись на тротуарах. На переносных лотках громоздились цитрусовые, овощи, жарились нанизанные на шампуры куски баранины, рыбы. Воздух наполняли запахи оливкового масла и чеснока.

Не меньшая суматоха царил и на проезжей части. По улице уже ходил электрический трамвай, он курсировал от площади Тахрир до Старого Каира. Египтянам полюбился этот вид транспорта, более удобный, чем конка³⁹. Вагоны были увешаны гроздьями пассажиров. Люди теснились на подножках вдоль всего вагона. Трамваю приходилось ехать медленно, он то и дело останавливался, вагоновожатые отчаянно трезвонили, пробивая дорогу в толпе пешеходов. Совсем рядом катились тяжелые двухколесные возы, запряженные ослиами, лошадьми или верблюдами. Возницы равнодушно покрикивали на неосторожных пешеходов. Нередко за арабом-возницей восседали его жены. В бурливой толпе повозок и людей с цирковой ловкостью лавировали ребятишки, несущие на головах громадные круглые корзины со свежим хлебом. То тут, то там проталкивались характерные фигуры разносчиков воды с большими кувшинами;

³⁸ *Ниломер* – сооружение в виде стены или же колонны с делениями, которая помещалась в колодец, связанный каналом с Нилом. Предназначалось для измерения уровня и прозрачности воды в Ниле.

³⁹ *Конка* – основной вид общественного транспорта в конце XIX – начале XX века, который использовали до появления трамвая. Представляла собой специальный вагон, движущийся по рельсам благодаря конной тяге.

меланхолично вышагивали ослы, навьюченные корзинами с овощами, мешками с пшеницей, тюками соломы, корзинами кирпича. В ногах путались собаки, кошки, дети в куцых рубашонках. Улица была полна говора, криков, воплей.

Ночная прохлада отступала, становилось все жарче. Извозчик, старый араб, снял абайю⁴⁰, оставшись в традиционной галабее. С самого начала поездки он мерил подозрительным, сверлящим взглядом одетых в арабские одежды европейцев и сопровождавшую их женщину с открытым лицом. Старик ничему не удивлялся, ведь за свою извозничью жизнь чего он только не посмотрелся, однако его неприязнь к пассажирам возросла, когда те отвергли предложение осмотреть ниломер. Тогда извозчик попробовал подступить иначе:

– Вы христиане? – спросил он.

Когда Новицкий ответил утвердительно, араб предложил:

– Здесь недалеко есть домик, там жил Иисус с семьей. В коптском квартале...

– В другой раз, добрый человек, – отделялся от него капитан, – сейчас мы хотим вернуться домой.

Извозчик пожал плечами, бормоча что-то себе под нос. Разочарованный, он подумал: что за непонятные чужеземцы – выдают себя за арабов, шлеются по ночам да еще и спешат непонятно куда! Разве это туристы? Что у них в голове? Может, и за поездку не заплатят? Такого с ним еще никогда не случалось, однако в тот день этот пожилой араб был явно не в духе.

Едва только страшное подозрение возникло в голове старика, он внезапно натянул поводья своей клячи. Ничего подобного пассажиры не ожидали – сначала их прижало к сиденьям, а потом бросило вперед. Если бы Томек не успел подхватить Салли, та наверняка бы оказалась под колесами экипажа.

⁴⁰ Абайя – мужской теплый шерстяной плащ без воротника, с широкими руками.

– Ах ты, черт возьми! – выругался по-польски Новицкий. – Ты что вытворяешь?
Араб соскочил с козел и стал что-то кричать, энергично жестикулируя. В его непонятной речи слово «бакшиш» было самым знакомым.

– Чего тебе надо? Что случилось? – горячился Томек.

Вокруг их пролетки собралась шумная толпа. Арабы, египтяне, турки размахивали кулаками и орали. Салли сумела разобрать только одно слово – «даншавай».

– Томми! Томми! – позвала она мужа, торопливо совавшего арабу деньги.

Едва получив их, извозчик принялся сам утихомиривать разъяренных каирцев.

– Томми! Да скажи им, что мы не англичане, а поляки!

Томек тут же подхватил:

– Ноу инглиш! Поляк! Польша! Боланда!⁴¹ Бола-а-анда!!!

Было неясно, поняла ли его разгневанная толпа, но суматоха улеглась так же внезапно, как и возникла.

Новицкий, сжимавший в кармане рукоять револьвера, вынув руку, вытер пот со лба.

– Все из-за этого старого идиота, – вполголоса заявил он Томеку. – Надо бы его вразумить.

– Успокойся ты, Тадек! Сами хороши. Что они могли подумать, увидев нас в арабской одежде?

– Они приняли нас за англичан, поэтому и взбесились, – взволнованно объяснила Салли. – Я поняла это, когда они стали выкрикивать название одной местности в дельте Нила, где пять лет тому назад во время охоты английский офицер случайно застрелил крестьянку. Об этом писали в газетах. Начались беспорядки, было ранено трое египтян и трое англичан, один из которых потом скончался. Британцы расценили это как бунт и арестовали свыше десятка феллахов⁴². А четверых англичане повесили.

Помолчав, она добавила спокойно:

– Я заметила, что, несмотря на все эти вопли, толпа, однако, соблюдала порядок. Все так неожиданно началось и закончилось, будто кто-то ими руководил.

– Вот-вот, – согласился Новицкий. – Я уже собрался выхватить револьвер... И, обратите внимание, они ведь не осмелились наброситься на нас, а только вопили и бранились.

– Стало быть, методы англичан оказались...

– Ошибочными, Томек, ошибочными, – закончил за друга моряк. – Как мне кажется, свободолюбие в Египте пустило корни.

– Пустить-то пустило, все это очень здорово. Но для одной ночи точно чересчур, – поморщилась Салли.

– Правильно говоришь, голубка! Хорошенького понемножку, – подвел итог Новицкий.

⁴¹ Боланда – Польша (араб.).

⁴² Феллах – крестьянин-земледелец в арабских странах.

III

Странные встречи

Смуга проснулся довольно поздно, но, вопреки обыкновению, не сразу встал с постели. Он взялся за решение трудной задачи, и теперь ему потребовалась помощь верных друзей. Смуга размышлял, как все воспримут известие о том, что он согласился выполнить поручение... аристократа и лорда, фанатично коллекционирующего все относящееся к Египту и вдобавок не очень разборчивого в выборе путей приобретения. В конце концов, пресловутая неразборчивость и навлекла на него неприятности, а поскольку дела требовали его присутствия в Манаусе – лорд имел долю в компании «Никсон-Рио-Путумайо», – он обратился к Смуге.

Зверолов долго раздумывал над предложением собирателя раритетов. Поймут ли друзья его нынешние мотивы, в особенности после того, как он, несмотря на все их уговоры, вначале воспротивился к ним присоединиться? Что скажет Анджей Вильмовский, намеревавшийся отдохнуть и подлечиться в Египте? Эти вопросы не давали Смуге покоя, вселяя в него тревогу. Но стоило ему представить себе Новицкого и его чуть ироничный взгляд, Томека с горящими от любопытства глазами, Салли, мечтающую о настоящем приключении в Долине царей, он просто не мог отказать этому коллекционеру.

Смуга гнал от себя эти мысли. Решение принято, так что нечего раздумывать. Предстояло действовать. Он перебирал в памяти события, произошедшие уже здесь, на корабле, и теперь они казались ему не просто случайным стечением обстоятельств.

Далеко за полночь он беседовал с английским дипломатом, с которым когда-то познакомился, причем именно в Египте. Смуга улыбнулся при мысли, что они оба возвращались сейчас в ту же страну, обоим предстояло выполнить некую миссию и оба плыли на одном корабле. Естественно, речь шла о стране фараонов. Сначала их беседа носила общий характер, но потом стала приобретать более конкретное направление. Англичанин пытался увлечь Смугу проблемой, которая волновала его самого. Зверолов вежливо слушал, умело поддерживая разговор.

– Только подумайте, – говорил дипломат, – веками Египет, отрезанный от мира с востока и с запада, а практически и с юга, пустыней, с севера же – Средиземным морем, оставался для европейцев неизвестной страной. Научный интерес к нему проявился совсем недавно, по-настоящему лишь в конце восемнадцатого века, после кампании Наполеона. С тех пор Египет навсегда приковал внимание как археологов, так и состоятельных людей, готовых вложить средства, и причем немалые, в научные экспедиции. Страсть к исследованиям одних сопровождалась желанием других обладать предметами древней культуры. И так продолжается и по сей день.

– Вы хотите сказать, что с незапамятных времен произведения искусства похищают?

Смугу всегда раздражала эта манера изъясняться округлыми фразами, столь характерная для дипломатов.

– В общем, да. – Англичанина не оскорбила прямота поляка. – В особенности в этой части света... Об этом свидетельствуют и весьма древние источники.

– Очень древние? – перебил англичанина Смуга.

– Довольно-таки! В шестнадцатом веке до нашей эры, например, когда началось царствование восемнадцатой династии⁴³, были разграблены все гробницы знати, – ответил дипломат. – Один мой знакомый, археолог Говард Картер⁴⁴ рассказывал мне о судебном разбирательстве по делу о разграблении гробниц фараонов, произошедшем несколько тысяч лет тому назад. Подробное описание случившегося сохранилось на папирусах эпохи Рамзеса Девятого⁴⁵. Тогда государство переживало смутные времена. Процветала коррупция, а власть была крайне слаба. За сорок лет сменилось восемь фараонов. При таких обстоятельствах всегда растет преступность и жажда легкой наживы овладевает разумом людей, – продолжал англичанин. – Все началось с заурядной взаимной зависти правителя восточной части Фив⁴⁶ Пезера и его товарища – правителя западной части Фив – Певеро. Так вот, этот Пезер, получив сведения о кражах из гробниц в западной части, поспешил доложить об этом их главному начальнику Хамвезе. Хамвезе учредил для расследования специальную комиссию.

– Поступил, как и полагалось.

– Просто у него не было другого выхода.

– И что же выяснила эта комиссия?

⁴³ XVIII династия, или династия Тутмосидов, правила Египтом в 1550–1292 годах до нашей эры.

⁴⁴ Говард Картер (1874–1939) – английский археолог и египтолог. В 1922 году обнаружил гробницу Тутанхамона, что стало большой археологической сенсацией.

⁴⁵ Рамзес IX – фараон Древнего Египта, правивший приблизительно в 1127–1109 годах до нашей эры.

⁴⁶ Фивы – один из крупнейших городов и художественных центров Древнего Египта, основанный в III тысячелетии до нашей эры. Считается одним из древнейших на земле.

– Ей предстояло установить, действительно ли разграбления происходили в подобных масштабах. Пезер в своем докладе сообщил точное число разграбленных гробниц.

– Видимо, обладал такого рода сведениями.

– Вот именно. Складывалось впечатление, что он располагал и шпионской сетью по ту сторону Нила. И не учел лишь одного...

– Чего?

– Члены комиссии, а не исключено, что и сам Хамвезе, получали выгоду от преступлений.

– Пройдоха был этот тип, как его там? Пе...

– Певеро...

– Да-да, Певеро. Ох уж эти имена, – вздохнул Смуга. – Для уха славянина они звучат очень похоже. Но, возвращаясь к нашему разговору, как я понимаю, комиссия ничего не обнаружила, верно?

– Во всяком случае, не подтвердила сведений Пезера. По мнению комиссии, оказалась вскрыта одна царская гробница, а не десять, как убеждал Пезер, и две, но не четыре гробницы жрецов.

– И расследование прекратили?

– Ну разумеется. Расхитили почти все частные гробницы, но это же не могло служить основанием для предъявления обвинений почтенному Певеро.

– Так и приходит конец мечтам о справедливости.

– О нет! Это лишь конец первого раунда... Наутро Певеро на восточном берегу Нила устроил настоящую манифестацию против Пезера. Нетрудно представить, что пережил этот человек, когда ему закатали кошачий концерт.

– Вероятно, он сильно переживал.

– Да он просто потерял голову от злости. Выбежал из дома, поругался с одним из зачинщиков и пригрозил, что обратится прямо к фараону.

– Не самый мудрый шаг. Сразу видно: этот Пезер не принадлежал к числу искушенных политиков.

– Ну, я бы так не сказал. Первый бой он проиграл, и второй тоже: Хамвезе призвал его на суд, где Пезер, сам будучи членом судейской коллегии, признал, что донесение его ошибочно. Но вот из третьей схватки он вышел победителем. Несколько дней спустя арестовали восьмерых преступников, в папирусе перечислены даже их имена. В ходе следствия, которое испокон веков здесь заключается в основном в том, что к признанию вынуждают при помощи ударов по пяткам и ладоням, они подтвердили донесение Пезера.

– И правда, занятная история. Рад, что услышал ее от вас. Непременно поделюсь ею с моими друзьями, дожидаясь меня в Каире, и в первую очередь с Томашем Вильмовским. Его хлебом не корми, дай послушать подобную байку.

– Вы упомянули Вильмовского... Томаша? Кажется, я уже слышал это имя. Он имеет отношение к Королевскому географическому обществу?

– Томаш состоит в нем. Вероятно, оттуда вы его и знаете. Он выступал несколько раз с докладом о папуасах, а в последний раз говорил об индейцах из джунглей Амазонки.

– Конечно, я же слушал его, теперь припоминаю... Весьма способный молодой человек. Означает ли эта ваша встреча с друзьями в Каире подготовку к экспедиции по Египту?

– Отнюдь, – рассмеялся Смуга. – На этот раз мы решили просто отдохнуть. Давно это откладывали.

– Вдвойне вам завидую – и отдых прекрасный, и общество весьма недурное. Хотя, признаюсь, я рассчитывал заинтересовать вас не столько историей, сколько сегодняшним состоянием рынка предметов искусства, – сказал англичанин.

– Простите, я вас не совсем понимаю.

– Видите ли, в последние годы Египет на этом рынке снова вошел в моду. Недавно, причем не только в Англии, появились папирусы, предметы культа и повседневного обихода, ценные украшения. И все доставляется из Египта, но какими путями – неизвестно. Это явление достигло таких масштабов, что не приходится сомневаться в существовании организованной шайки контрабандистов.

– И это вас так заинтересовало? – с наигранным равнодушием осведомился Смуга.

– Не буду скрывать – да. Мне поручена миссия, как бы это сказать, детективного характера. Вы же меня знаете. И вам известно, что я для подобных дел не гожусь. Ибо я – скорее ученый, чем политик, и уж тем более не сыщик. Увидев вас здесь, на корабле, решил, что это подарок судьбы. Миссия, о которой я упомянул, куда больше подходит вам. Разве не так? – Англичанин решил завершить свои рассуждения вопросом.

Смуга ответил уклончиво, что никак не могло быть воспринято в качестве категорического отказа. Собеседники побеседовали, как бы между прочим, о связях с частными коллекционерами, об участии во всем некоей загадочной персоны, пока, в конце концов, не дошли в своем разговоре до той точки, когда уже никак нельзя обойтись без деталей, не раскрыв при этом истинных мотивов.

Не обнаружив в манере Смуги ничего выходящего за рамки обычной вежливости, британец решил сформулировать свое предложение в иной форме.

– Насколько я помню, вы имеете в Египте весьма полезные связи. Мне жаль, что я так и не перетянул вас на свою сторону. И все же я так просто не сдамся. Может быть, вы переговорите с вашими друзьями, причем не требуя от них каких-либо конкретных обязательств. Буду вам крайне признателен, если вы изыщете время и вместе с вашими молодыми товарищами навестите меня как-нибудь в каирском консульстве.

Это Смуга спокойно мог обещать англичанину.

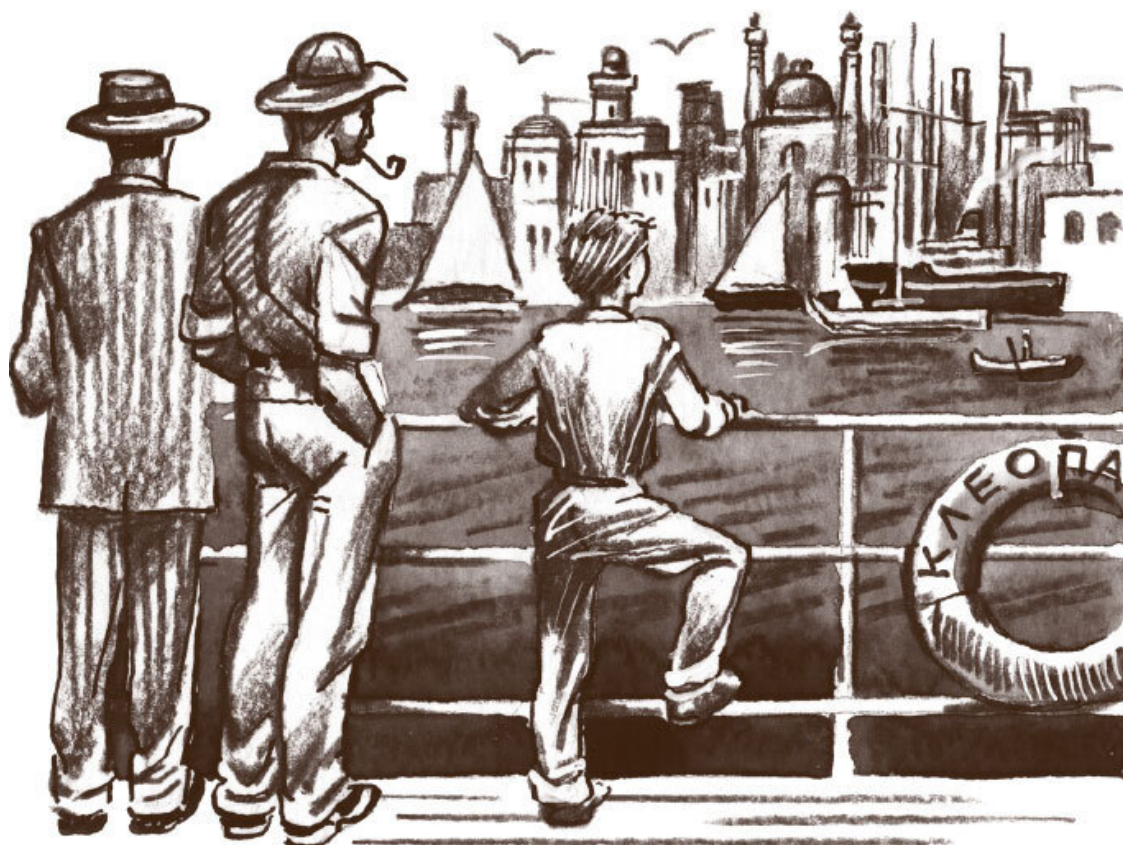
Еще раз поразмыслив над деталями разговора, он поднялся с постели, оделся и раскурил неизменную трубку.

* * *

Солнце поднялось уже высоко. По палубе фланировали редкие пассажиры. Шел пятый день после выхода судна из порта Триеста, где оно задержалось на полдня для пополнения запасов угля. Это был обычный рейс из Англии в Бомбей⁴⁷: на борту корабля находились почтенные английские джентльмены, в большинстве своем направлявшиеся в Индию. Судно принадлежало компании «Ллойд» и носило громкое название «Клеопатра». Установленный на нем мощный двигатель обеспечивал скорость в двадцать узлов⁴⁸. Судно приближалось к Ионическим островам. Вдали высились вершины гор Албании, еще покрытые снегом. Справа виднелся остров Корфу, скалистый в северной части, с развалинами древнего города на востоке, а в остальном холмистый, очаровательный, тихий, весь в зелени садов. Корабль вошел в порт завезти почту, после чего продолжил путь.

⁴⁷ Современное название Бомбея – Мумбаи (Индия).

⁴⁸ Узел – внесистемная единица скорости, применяемая для определения скорости судов. 1 узел равен 1,852 км/ч.

Третье подсемейство баклановых птиц, заключающее в себе около 9 видов, составляют **олуши** (*Sulinae*). Оно характеризуется странного устройства клювом, который длиннее головы и на верхней челюсти состоит как бы из двух слоев. Представителем их может служить **олуш**, или **глушыш** (*Sula*

bassana). Окраска его, за исключением буро-черных маховых перьев, белая. Глупыши живут по всем морям Северного полушария, начиная с 70-го градуса северной широты до тропиков, и предпочитают определенные острова или береговые места. (...) Походку его едва ли можно назвать даже ковылянием; плавает он также не очень хорошо, несмотря на свои хорошо развитые плавательные ноги. Полет же хотя не так превосходен, как полет буревестника и других длиннокрылых птиц, все же очень хорош. Как искусный нырок, он промышляет свою добычу на лету, кидаясь со значительной высоты в воду, и погружается в нее с такой силой, что часто разбивается о подводные скалы.

На следующий день «Клеопатра» миновала мыс Тенарон на полуострове Пелопоннес, самую южную точку Европы, а вскоре и остров Крит. Приближался Африканский континент. За судном летело все больше птиц. Смуга увлеченно следил за довольно крупными экземплярами – около метра в длину с размахом крыльев в полтора метра, стаей сопровождавшими корабль. Это были олуши. На земле они очень неуклюжи и беспомощны, к тому же невероятно доверчивы, ведь подпускают людей вплотную к себе. Поэтому отлов птиц и сбор их яиц привели к значительному сокращению колоний этого вида. Олуши отличались белой окраской, темными, почти черными кончиками крыльев.

«С этими яркими лапами, желтоватой головой, с длинными, слегка загнутыми клювами и заостренным длинным хвостом, они так напоминают клоунов... Клюв похож на хвост, а хвост как клюв», – размышлял Смуга, не подозревая о том, что не ему одному пришло в голову такое сравнение. Смешными зверолову показались и их крики, напоминавшие хохот и свист... Вдруг стая птиц взмыла вверх и потом ринулась вниз, атакуя косяк рыбы. Минуту спустя большинство олушей вынырнули, зажав в клюве добычу.

Солнце припекало, и всеми на судне овладела дремотная лень. Матросы и пассажиры были заняты поисками тени. Тишину нарушали лишь шум воды и крики птиц. Смуга, поддавшись общему настроению, оперся на перила и задумчиво глядел вдаль... Внезапно на палубе раздался шум. И тут же, словно чертик из табакерки, на палубу выскочил маленький грязноватый человечек, за которым гнался крепкий матрос.

– Держите его, хватайте! – кричал он.

Он уже почти догнал мальчишку и собирался его схватить, но тот каким-то образом увернулся. Появились другие матросы.

– Вот, прятался в белье, – передавали они друг другу.

Привлеченные неожиданным событием пассажиры, не скрывая любопытства, следили за погоней, но никто не собирался в ней участвовать. Мальчишка же не сдавался. Казалось, его вот-вот схватят, но в самый последний момент он увертывался и бросался в противоположную сторону. Пространство вокруг беглеца сужалось, шансов выбраться оставалось все меньше. Когда один из моряков схватил парнишку за рубашку, тот вырвался, оставив одежду в руках преследователя, огляделся и отчаянно что-то крикнул. Поняв, что иного выхода нет... он прыгнул за борт! Причем буквально в двух шагах от стоявшего у перил Смуги, с самого начала с возмущением наблюдавшего за погоней. Пассажиры и члены экипажа невольно ахнули.

– Человек за бортом! Человек за бортом! – три продолжительных звонка оповестили о происшествии на корабле.

– Стоп машина! – раздалась команда.

Смуга не ждал, когда судно развернется. Одним прыжком перемахнув за борт, он пролетел несколько метров и очутился в воде. Кто-то из моряков бросил мальчику спасательный круг. Смуга краем глаза заметил, что круг бросили неточно. Корабль понемногу отдалялся.

«На такой волне ему сразу не развернуться», – мелькнула у Смуги мысль, когда он мощными гребками плыл к мальчику. Тот хаотично бил руками по воде, и Смуга тут же сообразил, что беглец либо не умеет плавать, либо запаниковал. Но тут мальчишка ушел под воду, и Смуга потерял его из виду. Нырнув, он заметил утопающего и подплыл ближе. В отчаянии мальчишка неожиданно обхватил Смугу за шею. Тот, успев сделать глубокий вдох, сам погрузился в воду. Под водой утопающий мальчик ослабил хватку и попытался выплыть наружу и глотнуть воздуха. Воспользовавшись этим, Смуга перевернулся в воде и ногой оттолкнул от себя тонувшего, после чего попытался подобраться к нему сзади. И подобрался! Повернув мальчишку на спину и схватив за волосы, он потащил его за собой, стараясь держать его голову над поверхностью воды. Мальчишка вроде чуть успокоился. Тут, к счастью, подплыла спущенная с возвращающегося корабля шлюпка, и моряки втащили в нее Смугу и мальчика, а пару минут спустя все уже были на палубе. Мальчиком занялся судовой врач, а Смуга, пошатываясь, направился к себе в каюту.

Он лежал на койке, когда кто-то тихонько постучал в дверь.

– Открыто! – отозвался он.

Вошел стюард.

– Капитан просит вас к себе, – сообщил он с легким поклоном.

Стюард проводил Смугу в каюту капитана. При виде поляка обожженный солнцем морской волк поднялся и радушным жестом пригласил его войти.

– Заходите, прошу вас. Вы на такое решились...

– Да, пришлось чуточку поволноваться, – слабо улыбнулся Смуга, усаживаясь у небольшого столика.

– Не каждый отважится на подобное. Ведь вас вполне могло бы затянуть под винт... Мне такое уже приходилось видеть...

– Просто не оказалось времени раздумывать. В подобных случаях надо действовать без промедления.

– Вы – великолепный пловец.

– У меня были великолепные учителя, – в тон ему ответил Смуга. Перед его мысленным взором возник Новицкий. Тот выделял в воде разные штучки, которым неведомо где и от кого научился. «Небось на своем любимом Повислье», – мелькнула догадка, и Смуга добавил: – Они бы мной гордились...

– Мы тоже. Разрешите, я вам налью рюмочку.

Вошел стюард с подносом.

– Вечером хочу пригласить вас на небольшой прием в вашу честь, – сообщил капитан.

– Ну, это уж чересчур. Меня в первую очередь волнует судьба нашего безбилетника.

– Судя по его рыжей шевелюре и выговору, это коренной ирландец. Правда, пока он мало что сказал, и мы на время оставили его в покое. Пусть отдохнет.

– Переживает?

– Несомненно. Перепуганный до смерти ребенок. Ему лет двенадцать, не больше.

– Однако предприимчивый парнишка. Столько дней так хитро скрывался!

– Хотите взглянуть где?

– Хочу.

Смуга с капитаном спустились вниз. За расположенными рядами каютами пассажиров первого класса находилась бельевая комната. Там, в уголке, за горой грязного постельного белья, и прятался беглец.

– Уютно устроился, – заметил капитан. – Ни за что не заметишь сразу. – Капитан огляделся. – Здесь еще не прибирали. Идемте.

– Минуточку. – Смуга склонился над бельем и поднял подушку. Под ней лежала полотняная сумка на ремне. Они заглянули в нее. Засохшие хлебные корки, ломоть заплесневелого сыра, немного одежды и фотография – двое мужчин, молодая женщина, видимо жена одного из них, и группа детей.

– Вот и весь его багаж... Эй, прибрать здесь! – крикнул капитан проходившему мимо стюарду.

– Слушаюсь, сэр! – по-военному четко ответил тот.

Мужчины возвратились в каюту капитана. Обоих интересовало, как мальчишка сумел попасть на корабль, а еще больше – как он добрался из Ирландии аж до Италии.

– Спросим его, когда он чуть опомнится, – сказал капитан.

Смуга вновь заглянул в сумку, взял фотографию, долго в нее всматривался, потом подал капитану. Тот вернул ее, заметив:

– Типичное семейство ирландской бедноты.

– Это верно, – задумчиво согласился Смуга. – Но вот эти двое мужчин... Такое впечатление, что я их где-то уже встречал.

Капитан и Смуга решили заглянуть в лазарет. Молодой корабельный врач обнадеживающе улыбнулся им.

– Мальчик спит. Он очень исхудал. Голодал, наверное, но силы восстановит быстро.

– Вы с ним разговаривали?

– Он замкнулся, не хочет говорить. Во сне все время повторяет имя «Патрик» и зовет мать.

Смуга и капитан были явно растроганы.

– Этому мальчишке досталось на орехи, – заключил поляк.

И в эту минуту парнишка открыл глаза, потер их и огляделся. Когда Смуга склонился над ним, мальчик в испуге закрыл лицо руками.

– Не бойся, никто ничего плохого тебе не сделает. Мы – твои друзья.

Его слова прервали рыдания. Детское лицо исказилось, из глаз хлынули слезы. И тут мальчонка неожиданно обнял Смугу за шею.

– Ну-ну, все хорошо, хорошо, сынок, – успокаивал его путешественник. Непривычный к подобному проявлению чувств, он неловко прижал мальчика к себе.

Капитан и судовой лекарь молчали, охваченные глубоким волнением.

– Как тебя зовут, парень? – спросил капитан, чтобы прервать гнетущую тишину.

– Меня-то... Патрик.

– Красивое имя, – заметил врач.

– Вот что, Патрик, ты нас здорово перепугал. Ну и устроил ты нам... гм, приятный сюрприз, – начал расследование капитан. – Расскажи, пожалуйста, как ты оказался на корабле.

– Как я здесь оказался... Два грузчика тащили большой багаж. На большом тюке лежал маленький, он упал, я тут же его поднял и понес... Потом положил этот тюк и стал искать место, где меня не заметят. Всюду было полно народу, а я хотел спрятаться. Потом кто-то отпер это помещение, где белье складывают, я там и затаился.

– И все время оставался там?

Мальчик снова умолк.

Его решили оставить в покое. Потом, уже умытого, переодетого и накормленного, пригласили в каюту капитана. Там собравшиеся внимательно выслушали бурную историю его короткой жизни.

Мальчик родился в Белфасте в бедной семье в ночь под Новый год и новый век. Многие ирландцы эмигрировали тогда за океан. Отец и дед «безбилетника» поплыли в Австралию и

нашли там золото. Они вернулись на родину, однако дедушка, истощенный и больной, вскоре умер. Отец же впутался в какие-то тайные союзы и погиб в ходе подавления антибританских беспорядков. И вот мать осталась одна, в нужде, с кучей детей.

– А я, – продолжал юный ирландец, – был самым старшим в семье. Отец и дед рассказывали мне, как они нашли золото. Когда они нашли его, все в доме жили хорошо. А вот когда дед умер, а потом и отец погиб, стало просто невмоготу.

Внимательно слушая мальчика, Смуга лихорадочно копался в памяти. В какой-то момент он взял фотографию, найденную в сумке беглеца, и стал всматриваться в нее, затем закрыл глаза и сосредоточился, прикрыв лицо руками. А мальчик продолжал:

– Вот я и подумал, что тоже найду золото в Австралии и снова у нас все будет хорошо. И собрался в путь.

Далее следовал рассказ о пароме, на котором Патрик попал в Англию, потом о том, как он ловко проник на борт британского парохода. Вся эта история могла бы показаться ложью, если бы рассказчиком был не кто иной, а сам ее герой.

Смуга еще раз взглянул на фотографию. «Откуда мне знакомы эти лица?» Он внимательно изучал облик мужчин. Оба высокие, стройные, со светлыми бородами, в темных костюмах. Похожи, как братья.

– Где, ты говоришь, они нашли золото? – перебил он мальчика.

– В Австралии, – ответил тот, – я же сказал...

– В Австралии, в Австралии... – сосредоточенно повторил Смуга. – А ты не... – В его голосе прозвучали весьма необычные нотки. Присутствующие не могли не обратить на это внимания. – А фамилия твоя, парень, случаем, не... О'Донелл?⁴⁹

Все были поражены. Воцарилось молчание, его прервал изумленный не меньше других юный ирландец.

– Да, верно, сэ. Меня зовут Патрик О'Донелл.

– А это твои отец и дед, – указал Смуга на фотографию.

– Верно, а это моя мама, братья и сестры. А вот это я! – добавил мальчик.

Смуга раскурил трубку, уселся поудобнее в тесном кресле и выпустил дым.

– Ну что же, – начал он, – пути судьбы неисповедимы. Видишь ли, Патрик, я знал твоего отца и деда. Мы познакомились в австралийском буше⁵⁰ и там вместе с друзьями занимались отловом диких животных для зоопарка. Твоих родных схватили бандиты, которые хотели их ограбить. Мне с товарищами удалось им помочь.

Юный Патрик слушал его с пылающим от волнения лицом, вспоминая вечерние рассказы отца и деда, в которых оба с теплотой отзывались о загадочных, но очень добрых звероловах.

Когда вечером Смуга вместе с мальчиком переступил порог салона, все вскочили, шумно рукоплещая. Оба застыли в явном смущении. Когда все снова сели, слово взял капитан:

– Дамы и господа! Разрешите представить вам героев дня. Вот они: Ян Смуга и Патрик О'Донелл.

Когда аплодисменты смолкли, торжественно внесли праздничное блюдо.

– Наш китаец-кок приготовил это в вашу честь, – пояснил капитан. – Утром мы были свидетелями необычной рыбной ловли. И вот эта акула с чрезвычайно вкусным и нежным мясом. Знатоки прозвали это мясо «морской телятиной». Истинный деликатес. Рекомендую также гордость китайской кухни – блюдо из плавников.

Раздались аплодисменты и в адрес кока, который в тот вечер превзошел самого себя. К концу ужина пассажиры собрали для юного Патрика весьма приличную сумму денег, чтобы помочь тому вернуться на родину.

⁴⁹ История О'Донеллов рассказана в книге «Томек в стране кенгуру».

⁵⁰ *Буш* – обширное пространство, заросшее кустарником или низкорослыми деревьями, обычно колючими.

* * *

Продолжение рейса обошлось без происшествий: судно приближалось к Александрии. Сначала вдали показался маяк, заблестели на солнце минареты мечетей, затем стали различимы мачты пришвартованных в порту кораблей, и, наконец, из моря появилось побережье Африки и раскинувшийся на нем среди стройных финиковых пальм огромный город.

Смуга вместе с мальчиком-ирландцем стояли на палубе.

– Может, даже проплывем мимо одного из чудес света⁵¹ – развалин знаменитого маяка на острове Фарос, – говорил он.

– Чудес света? – вопросительно повторил Патрик.

– Да, семь знаменитых древних сооружений, большинство из которых находится именно в Египте, – пояснил стоявший рядом английский дипломат.

– В Египте? Чудеса света? – Мальчик не переставал удивляться.

– В разных перечнях указываются разные объекты – пирамиды, Долина царей, Колоссы Мемнона⁵², ну и наш маяк, – объяснил англичанин.

– Это первый морской маяк в мире?

– Первый. И очень высокий. Одни приводят цифру в сто восемьдесят метров, другие – в сто двадцать. Свет маяка был различим почти за тридцать километров.

– А когда его построили? – расспрашивал мальчик.

– Возвел его архитектор Сострат⁵³ с острова Книдос в конце третьего века до нашей эры. Находится маяк, как я уже говорил, на острове Фарос, который соединяется с побережьем мостом, сооруженным по распоряжению Александра Македонского.

– Это тот маяк, что мы видели?

– Нет, это новый маяк, а тот, увы, не сохранился. Верхние этажи провалились еще во втором веке, а оставшиеся перестроили в мечеть, которая в четырнадцатом веке была разрушена землетрясением.

– Так этот остров называется «Маяк»?⁵⁴ – допытывался ирландец.

– Нет, всё как раз наоборот. В английском языке название острова используется для обозначения специальных сигнальных морских сооружений. Да и в других языках тоже.

Тем временем к борту корабля пришвартовалась лодка с лоцманом, и тот успешно провел пароход в порт.

Юному Патрику, как когда-то Томеку, грезилось неизвестное, великое приключение.

⁵¹ *Семь чудес света* – в представлении античного общества наиболее прославленные достопримечательности: древнеегипетские пирамиды; храм Артемиды в Эфесе; Мавзолей в Галикарнасе; террасные, так называемые висячие, сады Семирамиды; статуи Зевса в Олимпии; статуи Гелиоса в Родосе (так называемый Колосс Родосский); маяк в Александрии.

⁵² *Колоссы Мемнона* – две огромные каменные статуи, которые, несмотря на название, изображают не Мемнона, а фараона Аменхотепа III (примерно в 1405–1367 годах до нашей эры).

⁵³ *Сострат* – древнегреческий зодчий, живший в начале III века до нашей эры. Прославился постройкой маяка в Александрии, а также устройством висячих террас в Книде.

⁵⁴ Игра слов. Во многих иностранных языках название острова Фарос стало синонимом маяка. Например, *phare* (фр.), *faro* (ит.), *pharos* (англ.), *faro* (исп.).

IV

Странствие в прошлое

После бессонной ночи Салли, неугомонная, как и всегда, выбралась одна на базар. Томек с Новицким дремали, сидя в креслах в арендованной Смугой квартире. До этого юноша и капитан по-дружески препирались, ибо Новицкий никак не мог смириться с тем, что они не прочили старика-извозчика. Томек решил: лучше всего завершить явно затягивавшуюся перебранку, представив инцидент самым невероятным образом.

– Интересно, Тадек, что бы ты сказал, если бы на Главном рынке Кракова посреди бела дня увидел бы негритянку в наряде краковянки?

– Вот тут ты и попался! – повеселел моряк. – Видел. Хоть и не в Кракове, но видел! Как-то в Чикаго в День памяти Пулавского⁵⁵. Я тогда разглядел в хороводе чернокожую красавицу в польском национальном костюме.

На том перепалка закончилась. Минуту спустя оба уже спали без задних ног, как и Динго, излеченный от своей «паршивой хворобы» по выражению капитана.

* * *

Тем временем Смуге и Анджею Вильмовскому пришлось задержаться в Александрии гораздо дольше, чем они рассчитывали. Смуга собирался попросить о помощи в выполнении своего задания одного из здешних друзей, но тот, увы, отсутствовал и должен был вернуться лишь через несколько дней.

Знакомый англичанин два дня водил их по Александрии – городу с длинной и богатой историей. Нареченный Александрией по имени основателя, Александра Македонского, он являлся столицей страны в период правления династии Птолемеев⁵⁶ и римлян и самым крупным после Рима городом империи. Александрия, насчитывавшая в ту пору свыше миллиона жителей, быстро становилась одним из центров греческой, а затем и христианской культуры. Здесь располагалась знаменитая библиотека, здесь был построен самый старый в мире научный институт, Мусейон, здесь перевели на греческий язык Ветхий Завет, здесь, наконец, размещался один из старейших центров раннего христианства, славящийся своей школой богословия. Распад Римской империи и возвышение Константинополя сильно подорвали авторитет Александрии, а окончательный удар нанесли захватившие ее арабы в 642 году.

Все эти сведения Патрик буквально впитывал в себя, он оказался способным и любознательным парнишкой.

– Александр Македонский – это тот, что завоевал весь мир, – не без хвастовства заявил он, – я знаю!

– Но в Африке, сразу после завоевания, он чуть не погиб. Когда ему сказали, что в Ливийской пустыне в оазисе Сива, в одном-двух днях дороги от Мемфиса, находится знаменитая святиныя с оракулом, он, будучи человеком суеверным, тотчас же туда отправился.

– Как бы я хотел увидеть пустыню! – вздохнул Патрик.

– Любая пустыня, а уж тем более Ливийская, таит массу опасностей. Не миновали они и Александра. Царь и вся свита сбились с пути, попали в песчаную бурю.

– Со мной бы не заблудились, – снова похвастался Патрик, – я знаю, где север и где юг.

⁵⁵ День памяти генерала Казимира Пулавского ежегодно отмечается в США 11 октября.

⁵⁶ *Птолемеи* – царская династия, правившая в Египте с 305 по 30 год до нашей эры. Династия, включавшая 14 царей, была основана Птолемеем, сыном Лага (305–285 годы до нашей эры) – одним из военачальников Александра Македонского.

– Безусловно, – улыбнулся рассказчик, – жаль, что тебя с ними не было. И все-таки проводники отыскиали дорогу. И когда царь попал в оазис, с озерами и пальмовыми рощами, с пресноводными источниками, он ощутил себя словно в раю.

– Но теперь Александрия снова обрела прежнее могущество, – напомнил Смуга.

– Верно, но в 1788 году, когда здесь высадилось войско Наполеона, воины увидели рыбацкое селение с шестью тысячами жителей. Чуть ли не тысячу лет город считали исключительно источником для добывания строительного камня.

– Даже трудно в это поверить, – поразился Смуга.

– К Александрии вернулась ее былая слава во времена создателя современного Египта, прозванного «Наполеоном Востока», Мухаммеда Али. В 1819–1820 годах он велел заново прорыть канал, соединявший древний порт с западным рукавом Нила. По нему переправляли хлопок – главное богатство Египта.

Патрика восхищало здесь все, включая и небольшой богатый каменный дом, где они расположились. Жилище находилось на Эль-Хурии – построенной несколько лет назад современной улице, пересекающей город с востока на запад. Эта улица считалась выдающимся достижением британских и итальянских архитекторов. Вдоль нее возвышались пятиэтажные здания в стиле модерн. Особенно Патрику понравилась выложенная мрамором лестница. У нее были такие замечательные перила! Ехать в лифте, нажимая на кнопки и корча рожицы перед зеркалом, мальчику не нравилось, поэтому он лихо съезжал по перилам, не обращая внимания на ворчливого консьержа, который каждый раз, когда путешественники покидали порог дома, высовывал голову из своей комнатухи. Патрик всегда опережал Вильмовского и Смугу, пользовавшихся лифтом.

Мухаммед Али Египетский (Мехмет Али-паша) (1769–1849) – правитель Египта. Основал одноименную династию, которая правила в Египте до 1952 г. (юридически до 1953 г.). С 1798 по 1801 г. участвовал во Франко-турецкой войне в Египте в качестве командира военного отряда. Пришел к власти в 1805 г., воспользовавшись восстаниями в Каире (в 1804 г. –

антимамлюкское, в 1805 г. – антитурецкое), и стал турецким султаном Махмудом II пашой и хедивом Египта.

Когда Патрик заснул, утомленный впечатлениями первого дня в Александрии, друзья смогли поговорить серьезно.

– А мы-то собрались отдохнуть, – разочарованно произнес отец Томека.

– Я всегда был за активный отдых, – рассмеялся Смуга, – и мои друзья всегда мне в этом здорово помогали.

– Ты имеешь в виду Томека и Новицкого...

– Верно, но прежде всего тебя, Анджей, твою настойчивость, твой здравый смысл. Впрочем, вы можете... или ты можешь отказаться.

– Ох, Ян, Ян! Да вы же мне покою не дадите. Ни Салли, ни Томек, ни Новицкий.

– Ну, я-то как раз все понимаю. Однажды ты участвовал в чистейшем безумии⁵⁷, а то, что я предлагаю сейчас, и близко не так ужасно.

– Да я бы так не сказал. Речь ведь о деньгах, – стало быть, игра пойдет по-крупному. И еще этот мальчишка. Как с ним быть?

– Я уже об этом подумал. Надо отправить его домой, мы этим О’Донеллам кое-чем обязаны. Это ведь благодаря им мы смогли организовать экспедицию в Африку.

– Что в Африке началось, пусть в Африке и закончится, – вздохнул Вильмовский.

– Началось это в Австралии, Анджей, не забывай, – поправил Смуга. – Ладно, значит, берешь парнишку с собой.

И они снова вернулись к волнующей их теме.

– Говоришь, Ян, что ты познакомился с лордом-коллекционером в Бразилии уже после нашего отъезда. – Вильмовскому не терпелось суммировать все услышанное от Смуги. – Лорд разыскивает человека, у которого он покупал разные предметы для своей коллекции, даже не спрашивая, каким образом этот человек стал их собственником. И ты ради него готов заняться этим делом?

– Не только ради него, – ответил Смуга. – Лорд, пусть он и не всегда в ладах с законом, все-таки человек, до безумия влюбленный в Египет, он финансировал многие археологические экспедиции. Да и тебе, Анджей, прекрасно известно, что правовые нормы, регулирующие вывоз из этой страны античных ценностей, лишь только появляются. Но речь сейчас не о лорде. Меня заинтриговала сама загадка, связанная с одним из его приобретений, я тебе уже говорил. Кто, когда и, прежде всего, зачем это сделал?

– Ты отдаешь себе отчет в том, что собрался искать иголку в стоге сена?

– Да, я долго размышлял над предложением лорда и уже собрался было отказаться, но нам до сих пор всегда везло. А Томек – тот вообще дитя, которое родилось в рубашке...

– Уже не дитя, а взрослый женатый мужчина, – поправил друга Вильмовский.

– Тем более! Счастье ему не изменяет! – согласился Смуга. – Я еще раз перечислю свои доводы. Во-первых, как мне кажется, речь идет не об одном человеке, а о целой организованной банде. Это обстоятельство уже дает нам немалый шанс. Надо поискать какую-нибудь утечку информации. Во-вторых, краденое, поступившее из Долины царей, появилось на европейском рынке сравнительно недавно. А в-третьих, у меня здесь, в Египте, немало знакомых людей, которые могут нам помочь.

– Ах, Ян, где только у тебя нет приятелей, – вздохнул Вильмовский.

– К тому же эта неожиданная встреча на корабле. Оказывается, поисками «нашей» банды преступников и контрабандистов занимается и британское правительство.

– И тебе непонятно почему?

– Нет! Но надеюсь узнать, когда мы пойдем в каирское консульство.

⁵⁷ Смуга говорит об экспедиции, описанной в книге «Томек и таинственное путешествие».

Однако следующие дни они, к великой радости Патрика, провели, осматривая достопримечательности. Вильмовского со Смугой тоже было чем удивить. В особенности им понравилось у колонны Помпея с каменным сфинксом. Указав на нее, Смуга обратился к Вильмовскому:

– Ее распорядился возвести в 204 году император Диоклетиан⁵⁸ в ознаменование взятия города.

– Метров тридцать в ней будет, – прикинул Вильмовский.

– Да, именно так.

– Вижу, тебя чем-то заинтересовал этот памятник.

– Конечно. Не знаю, заметил ли ты эти веревочные лестницы, ведущие наверх?

Вильмовский присмотрелся:

– Точно, есть, только с другой стороны.

– Как бы ты отнесся к небольшой прогулке наверх?

– Надеюсь, ты говоришь не всерьез.

– Почему?

– Я же не моряк в отличие от Новицкого.

– Он бы влез на колонну без всяких лесенок, – пошутил Смуга.

– Так ты на самом деле собрался наверх? – недоверчиво переспросил Вильмовский.

– Почему бы и нет? – не сдавался Смуга. – Стоит навестить родные места.

– Ты что, уже бывал когда-то на верхотуре? – поразился отец Томека.

– Ну, как бы сказать, – ответил Смуга, – всего раз, но все-таки... Как экстравагантные путешественники, мы могли бы даже пожелать, чтобы нам туда подали обед.

– Кто бы его туда притащил?

– Еще несколько лет назад ближайший ресторан специально держал официанта-верхолаза.

⁵⁸ Гай Аврелий Валерий Диоклетиан – римский император, правивший с 284 по 305 год.

Вильмовский недоверчиво покачал головой, однако направился вслед за другом. Вдруг их окликнул чей-то голос.

– Слышал? – спросил Вильмовский.

Смуга огляделся:

– Как будто кто-то кричал.

Они прислушались, потом до них отчетливо донеслось:

– Дядя! Сюда! Сюда!

– Это Патрик! Где он... – начал Смуга и умолк.

– Это я! Это я! Здесь, наверху! – Мальчишка махал взрослым руками с верхушки колонны.

– Черт бы тебя побрал! – выругался Смуга. – Что его туда понесло? Слезай сейчас же!

Мальчик радостно помахал им рукой, потом присел на краю колонны, спустив ноги вниз. Друзья подбежали к веревочным лестницам. Однако первое, что бросилось мужчинам в глаза у подножия колонн, была надпись: «Подъем по лестнице запрещен».

Тем временем Патрик уже спускался. Вильмовский слегка, потом посильнее потянул лестницу, желая проверить ее крепость. Болты, на которых она крепилась, слегка шатались. Заметив это, Смуга обеспокоенно крикнул:

– Патрик! Осторожнее!

Мальчик необычайно ловко передвигался по лестнице. Ему оставалось уже совсем немного, когда один из болтов вырвался из гнезда и лестница заходила ходуном.

– Боже! – вырвалось у Вильмовского.

Парнишка прижался к колонне и на мгновение замер.

– Дядя, не бойся! Я уже схожу.

И беспечно соскользнул на землю.

Смуга отер пот со лба, лицо его было суровым.

Они тут же вернулись домой, где по-мужски поговорили с мальчишкой. Тот, разумеется, клялся и божился, что исправится... Однако уже на следующий день носился по убогим, узким, грязным улочкам неподалеку от ведущих свое происхождение с римских времен выдолбленных в скале подземных многоэтажных катакомб Ком-эш-Шукафа. Излишне говорить, что его постоянно приходилось искать.

Однажды как-то днем Смуга объявил, что его друг вернулся и они могут его навестить. По словам зверолова, в 1891 году группа влюбленных в свой город и в его историю жителей Александрии с помощью итальянских архитекторов основала Греко-римский музей, где были собраны экспонаты далекого прошлого: статуи, различные фигурки, портреты, надгробия, саркофаги, надписи и в особенности монеты. Большей частью эта группа состояла из молодых людей, которые после обстрела города в 1822 году и перехода власти в Египте в руки англичан искали способ выразить свои патриотические чувства. Эта же группа несколько месяцев назад основала Александрийское археологическое общество. Смуга узнал об этом из письма, полученного в Лондоне.

Общество размещалось в здании позади музея. Когда они вошли, Смуга спросил:

– Господин Абир Шекейль на месте?

– Мудир⁵⁹ в кофейне, – ответил курьер, – сейчас я за ним схожу.

– Вот видишь, – вздохнул Смуга, – как повелось в этой стране. Приходишь на службу, вешаешь на крючок верхнюю одежду и направляешься в кофейню, а уже там ждешь посетителей.

Они прошли в большой зал с замысловатыми деревянными ставнями на окнах. Вокруг стояли витрины с древними скульптурами, монетами, папирусами. Стены были увешаны портретами исследователей античности. Смуга с Вильмовским с явным интересом стали рассматривать одну из витрин. Вдруг послышался гортанный голос:

– В чем дело?

Обернувшись, они увидели пожилого египтянина с седыми волосами. Одет он был в европейское платье. Заметив Смугу, старик сначала слегка опешил, но потом воскликнул:

– Аллах керим!⁶⁰ Салам!⁶¹

И тут оба, крепко обнявшись, наперебой стали обмениваться приветствиями:

– Клянусь бородой Пророка! Это на самом деле ты!

– Я, Абир, я...

– Да приумножит Аллах твое здоровье!

– И да будет милостив к тебе! Вот получил твое письмо и приехал.

– Это сам Пророк привел тебя ко мне, троекратный тебе поклон!

– Здравствуй и ты, салам!

После каскада почтительных и радостных приветствий, изумивших молчавшего Вильмовского, последовала церемония взаимных представлений, после чего все трое направились в ближайшую кофейню. Хотя она и находилась в европейской части города, а может, как раз поэтому, заведение оказалось чисто в арабском стиле. За столиками восседали исключительно мужчины, в основном европейцы, но были тут и местные жители, в белых галабеях и турбанах. Наиболее экзотично выглядели те, кто сочетал европейскую одежду с красными фесками. Большинство курили наргиле⁶². Абир извлек одну из выставленных в ряд длинных тру-

⁵⁹ Мудир (араб. – управляющий) – начальник в Египте, до 1961 года – правитель провинции (мудиири).

⁶⁰ Аллах керим! – Господь мудр! (араб.)

⁶¹ Салам! – Приветствую вас! (араб.)

⁶² Наргиле – курительный прибор у народов Востока. По виду напоминает кальян, но, в отличие от него, вместо трубки имеет длинный рукав.

бок и жестом предложил гостям последовать его примеру. Смуга отказался, вынул свою трубку, однако Вильмовский поддался искушению. В огонек, тлевший в трубке, подсыпали ароматичного порошка. Благовонный дым, пройдя гибкий, длиной около метра чубук и сосуд с водой, через мундштук проникал в рот. При каждой затяжке трубка непривычно булькала.

«Будет мне чем похвастаться перед Тадеком», – подумал Вильмовский, пару раз затянувшись. Когда они отложили трубки, Смуга приступил к беседе:

– Я всегда восхищался, Абир, твоей любовью к Египту.

– Клянусь бородой Пророка! Ты любишь свою отчизну так же, как я, свет моих очей, родной город, Эль-Искандарию, – ответил тот с теплотой.

– Любишь больше, чем жену и детей, – улыбнулся Смуга. – И я знаю кое-кого, кто так же сильно полюбил море, что его и жениться не заставишь.

– То иная любовь, брат.

Вильмовский был искренне поражен. Абир назвал Смугу «братом», чего мусульмане никогда не делали по отношению к неверным.

– Однако Александрия – еще не Египет, – закончил мысль Абир. – И в древности, и сейчас говорят, что Александрия – ворота в Египет.

– Ты любишь Александрию, как жену, но Египет – как родную мать, – щегольнул метафорой Смуга. И тут же добавил: – Я тоже люблю Египет.

Последовала пауза, которую прервал Смуга:

– Мне необходима твоя помощь, брат.

Абир весь обратился во внимание.

– Я правда всем сердцем люблю Египет и знаю, что его разграбляют. Я ищу преступников, которые растаскивают гробницы в Долине царей.

– Так езжай в Долину, – ответил александриец.

– И поеду. Но мне нужен совет.

– Помощь... Совет... Не желаю иметь дела с англичанами, – незаметно для себя Абир перешел на грубоватый стиль Смуги.

– Египту от этого только хуже. Если уж вывозить, то официально. Во всяком случае, так, чтобы было известно, кому и куда. Избрать законный путь. Государство не может закрывать глаза на преступления таких масштабов.

Вильмовский хранил молчание. Идея принадлежала Смуге. Но контраст между прежней открытостью и внезапным недоверием, которое проявил египтянин, оказался налицо. В конце концов не выдержав, поляк взял Абира за руку и, глядя ему прямо в глаза, раздельно произнес:

– Мы. Порядочные. Люди.

– Клянусь бородой Пророка, – усмехнулся тот, – ваши слова, как язык колокола, чей звон не дает уснуть.

Друзей пригласили позавтракать в доме Абира, откуда те вышли с рекомендательным письмом к Аль-Хабиши, известному александрийскому торговцу, хозяину антикварной лавки. Тот несколько часов спустя прислал с посыльным сообщение: «Я не в Александрии. Ищите меня в Каире».

– И то сойдет, – подытожил Смуга. – Будем искать в Каире. Абир сказал, этот Аль-Хабиши – порядочный, благородный человек. Мы должны быть довольны уже тем, что сумели растопить лед недоверия Абира.

Собранные деньги и письмо были посланы матери Патрика – телеграмму Смуга дал еще с корабля. В письме он сообщал, что берет мальчика с собой на каникулы. И на этом путешественники простились с Александрией.

* * *

Экспресс «Александрия – Каир» с местами для мужчин и для женщин с детьми мчался с такой скоростью, что все окрестности тонули в облаках пыли. Увлеченные беседой, Вильмовский со Смугой даже не заметили, что час спустя поезд миновал Даманхур, еще через час – Танту и что после трех с половиной часов пути, преодолев расстояние в двести восемь километров, экспресс уже подходил к вокзалу.

– Дядя! – крикнул Смуге взволнованный Патрик. – Каир!

Мальчик всю дорогу держал на коленях котенка, приبلудившегося к ним в Александрии. Мусульмане любят кошек, а вот собак не жалуют. Последних они дома не держат, и те сворами бегают по улицам. Европейский мальчик с котенком на руках вызывал интерес и доброжелательное отношение попутчиков, которые и помогли путешественникам найти извозчика, быстро доставившего их к месту, где Смуга снял квартиру. И там поляки попали в объятия друзей.

Приветствиям не было конца. Не обошлось и без курьеза. Патрика встретило собачье рычание. Динго весь ошетинился, перепуганный котенок замыкал и... исчез. Это разрядило обстановку. Патрик скоро успокоился, смирившись с побегом питомца, и тут же подружился с псом.

– Ты – хороший песик, – втолковывал собаке Патрик. – Я – Патрик. А ты – Динго.

И вскоре он таскал собаке самые вкусные лакомства с ближайшего базара.

Когда Смуга представил план приятного, по его мнению, времяпрепровождения в Египте, Томек лишь тяжело вздохнул, Новицкий же, потирая руки, многозначительно под-

мигнул Салли. Та, услышав о Долине царей, захлопала в ладоши и, вскочив, расцеловала Смугу в обе щеки.

– Ну, что я говорил? – рассмеялся Вильмовский. – Салли не даст нам спуску.

– Ты бы, Ян, объяснил все подробнее, – попросил Томаш.

– Попытаюсь... – И Смуга в очередной раз стал рассказывать, добавляя неизвестные остальным детали: – Как известно, Египет – одна из древнейших мировых цивилизаций. Вот уже сто лет интерес к нему постоянно растет. Все большее число коллекционеров приобретают античные реликвии не всегда законными путями, нередко и у случайных продавцов. Как я уже говорил, в Манаусе мне довелось познакомиться с одним лордом, который многие годы страстно занимается коллекционированием всех артефактов, относящихся к Египту, и сейчас считается знатоком в этой области. Поэтому он ничуть не удивился, когда однажды поздним вечером к нему пожаловал странный гость. Когда визитера попросили назвать себя, он ответил: «Я – владыка Долины царей». Представьте себе, как разволновался наш египтолог. Он описал мне своего неожиданного гостя примерно так: «Из полумрака вынырнул некто в темном костюме европейского покроя. Поначалу я не разглядел его, заметил только, что мы с ним одного роста. Потом уже при свете меня поразили острый пронзительный взгляд его глаз и некоторое сходство с фараонами в чертах смуглого лица».

О пресловутом сходстве лица незнакомца с изображениями фараонов лорд повторил несколько раз, а потом продолжил рассказ: «Его можно было легко принять за мумию, если бы не его живая мимика и этот пронзительный взор. Признаюсь, он произвел на меня потрясающее впечатление. На миг мне даже показалось, что я не у себя в доме и вообще не в Англии, а где-нибудь в Древнем Египте».

– Как видите, дорогие мои, – продолжал Смуга, – нежданный гость пробудил в коллекционере живейший интерес.

По словам Смуги, когда англичанин рассказывал об этом эпизоде, переживания захлестнули его так сильно, что он едва вновь не лишился дара речи. Только некоторое время спустя лорд продолжил рассказ.

«Гость отказался сесть. Напрямую заявил о цели прибытия. Изъяснялся он на безукоризненном английском языке с лондонским акцентом. „Может быть, вас это заинтересует, – с этими словами он извлек несколько мелких предметов, – прошу проверить их подлинность и заплатить“.

Гость назвал весьма солидную сумму. „Вскоре я вас навещу“, – пообещал он на прощание, после чего, поклонившись, удалился».

Смуга, замолчав, достал трубку. И так старательно набивал ее, что Салли не выдержала. – Ну а дальше?

– А дальше все пошло обычным путем. Предметы оказались ценными и весьма древними по заключению специалистов, ибо лорд не до конца доверял своим знаниям и чутью. Состоялся обмен. Загадочный гость предоставил товар, лорд – деньги. По-моему, даже обошлось без торга.

– В чем тогда дело? Лорд должен быть доволен!

В клубах дыма Смуга сам походил на призрака. По крайней мере, в глазах Салли, на которую история произвела сильнейшее впечатление.

– Лорд остался доволен! – после паузы с улыбкой подтвердил Смуга. – И буквально околдован таинственным ночным визитером. Пока не убедился, что бо́льшая часть приобретенных во время второго визита раритетов – мастерская подделка.

Эта фраза Смуги мгновенно вернула присутствующих на грешную землю. Первым высказался Новицкий.

– Ха-ха! – рассмеялся он. – Чтобы их кит заживо слопал! Вот так номер!

– Ты мне, Ян, этого не рассказывал... Значит, твоего лорда обвели вокруг пальца и ему теперь не до шуток, – вставил Вильмовский.

– Конечно. Он потерял кучу денег... И если бы дело было только в них! Лорд не упустил случая похвалиться приобретением перед друзьями, а тут выяснилось, что его, почтенного, уважаемого, всеми признанного знатока, облапошили. Какой удар по репутации! Он никак не может оправиться оттого, что задел его самолюбие. Потому-то и подумывает о мести. А тут как раз подвернулась поездка в Южную Америку... Остальное вы знаете. Поскольку вы в Египте, я дал уговорить себя заняться этим делом. Салли так хотелось увидеть Долину царей... Вся эта история на нас свалилась как снег на голову...

Смуга умолк и, закинув ногу на ногу, устроился поудобнее в кресле. Одна только Салли все еще никак не могла стряхнуть с себя ощущение нереальности происходящего: ее воображение рисовало Смуту в облике древнеегипетского мага, жреца религии приключений.

Мужчины некоторое время обменивались мнениями, выдвигали предположения, догадки, предавались воспоминаниям. Первым, разумеется, зевнул Новицкий – его потянуло в сон. Все поднялись, Томек сладко потянулся, Вильмовский не спеша стал расстегивать рубашку. Патрик давно уже сладко спал в кресле, обняв Динго за шею. Томек наклонился, чтобы перенести мальчика в постель, и тут Смуга вновь огорошил присутствующих.

– Пусть Патрик спит здесь, Томек, – посоветовал он. – Это еще не конец истории.

Страшно заинтригованные, все вернулись на свои места.

– Предлагаю вам совершить прогулку в далекое прошлое: углубиться на 3300 лет назад. В то время, когда на троне сидел один из самых интересных фараонов, известный в истории под именем Эхнатон...⁶³

⁶³ Эхнатон, он же Аменхотеп IV (1419–1400 годы до нашей эры), – египетский фараон XVIII династии. Правитель знаменит тем, что за свою недолгую жизнь принял религиозную реформу, которая приблизила утверждение единобожия.

– Тот самый, что попытался реформировать религию, ввести монотеизм, то есть веру в единого бога! – с горячностью продолжила Салли.

– Как наш Мешко Первый, – усмехнулся Томек.

– Кто-кто? – не поняла Салли.

– Ну, голубка, надо все-таки знать историю Польши, если вышла замуж за поляка, – пояснил Новицкий.

– Я вспомнила – тот самый Мешко, кто утвердил в Польше христианство.

– Совершенно верно, – подтвердил Смуга. – Но вернемся в Египет. Одни называют Эхнатона революционером-реформатором, другие – еретиком, третьи – пацифистом и мечтателем. Кое-кто даже утверждает, что он хотел упразднить всевластие жрецов Амона, а есть и такие, кто видит в его идеях в первую очередь влияние его прекрасной супруги Нефертити.

– Я всегда говорил, – вырвалось у Новицкого, – жена для моряка... То есть я хотел сказать, для фараона – это все равно что...

Мёшко I (ок. 935–992) – польский князь (с 960 г. по 992 г.). Считается первым исторически достоверным правителем Польши, упомянутым в хронике Галла Анонима, в которой последовательно и полно изложена история страны. Взойдя на престол, присоединил к своему уделу территории Куявии, Мазовии и Восточного Поморья, а затем начал строительство государства. В 966 г. в качестве государственной религии принял христианство латинского образца, а в 968 г. учредил епископство в Познани, что в дальнейшем послужило упрочению позиций Польши в Европе.

– Что руль для корабля, – закончила Салли, погрозив пальчиком упрямцу-капитану.

– Одним из преемников Эхнатона, – продолжал Смуга, – был Тутанхатон, вроде бы его зять. Именно он вернулся к вере отцов, приняв имя Тутанхамон⁶⁴.

⁶⁴ *Тутанхамон* – египетский фараон XVIII династии, правивший приблизительно в 1351–1342 годах до нашей эры. В возрасте около 12 лет занял престол под именем Тутанхатон, но умер совсем молодым – ему не было и 20 лет.

Новицкий, с первого дня пребывания в Египте вынужденный слушать бесконечные лекции по истории, окончательно потерял терпение.

– Господи, я скоро в кита обращаться! – возопил он. – Ничего не понимаю. Неужели все преобразования этого фараона-еретика или революционера заключались в том, что в имени бога заменили одну букву?

– Можно и так это истолковать, – улыбнулась Салли. – Эхнатон порвал с культом Амона, перенес столицу из Фив в Ахетатон – сейчас это поселение носит название Телль-эль-Амарна, где он возвел для своего единого бога, Атона, великолепные храмы. В отличие от угрюмых, мрачных, таинственных святилищ Амона, эти храмы были наполнены светом, радостью...

– Гм-гм, – буркнул Новицкий, – в таком случае это самая значимая в мировой истории замена одной буквы.

– И самая дорогостоящая, – прибавил Томек.

– Давайте все-таки дослушаем до конца, – настояла Салли. – Мы остановились на правлении Тутанхамона, и хотя я занимаюсь археологией, об этом правителе слышала мало.

– Совершенно верно, – согласился Смуга. – Действительно, им интересуется лишь горстка любителей Египта, завсегдатаев аристократических салонов и ученых. К ним принадлежит и мой, как вы его называете, лорд⁶⁵. Уже много лет он пытается получить разрешение на проведение раскопок в Долине царей, поскольку убежден, что там кроется немало тайн и, между прочим, до сих пор не найдена гробница Тутанхамона⁶⁶.

– Если вера творит чудеса, в таком случае лорд прав, – сказал Вильмовский.

– Не только вера. Обнаружено множество предметов, указывающих на то, что гробница и правда находится там, в Долине⁶⁷.

– Если это так, стоит рискнуть, – задумчиво согласился Вильмовский.

– Верно, – поддержал его капитан. – Риск – благородное дело.

– И здесь мы подходим к сути. Среди реликвий, приобретенных лордом, был и круглый золотой поднос, украшенный фигурками, представляющими одного и того же юношу.

– И юноша этот – Тутанхамон?

– Естественно.

– Откуда такая уверенность?

– На подносе иероглифами высечено его имя.

– Но из этого вовсе не следует, что гробница этого фараона располагается в Долине царей.

– Это так, однако все самые ценные приобретения моего коллекционера отыскивали именно там! Это первое. И второе: одна из фигурок – изображение этого юноши после смерти, – объяснил Смуга.

– Как это – после смерти? Мертвого? – не понял Томек.

– Нет, – возразил Смуга. – Живого.

– Ты меня прости, Ян, пусть я стану китом, если хоть что-нибудь понимаю, – мотнул головой Новицкий.

– Кроме того, – развел Смуга руками, – во всем виновата борода...

– Ян! Хватит шуточек! Объясни наконец, в чем дело, – вспыхнул Вильмовский. – Поздно ведь уже.

⁶⁵ Скорее всего, речь идет о лорде Джордже Эдварде Карнавоне (1866–1923), английском египтологе и коллекционере древностей. Во время проведения раскопок в Египте он вместе с Говардом Картером обнаружил гробницу Тутанхамона. Эта находка стала большой сенсацией. Любопытно то, что через несколько месяцев после открытия гробницы Карнавон скончался при загадочных обстоятельствах. Его смерть послужила началом к появлению легенды о мести фараона.

⁶⁶ На момент, когда происходят события книги «Томек в стране фараонов», а это приблизительно начало XX века, гробница Тутанхамона и правда еще не была обнаружена. Случилось это несколько лет спустя, в 1922 году. Гробница оказалась единственным почти не разграбленным погребением фараона, содержащим великолепные памятники искусства.

⁶⁷ Теодор Дэвис, американский миллионер, получивший официальное разрешение от правительства на проведение раскопок в Долине царей, где впоследствии обнаружил множество мелких предметов с печатью Тутанхамона.

– В древности борода у фараонов означала мудрость и власть, и не только в Египте.

– Но что здесь общего с живым или мертвым фараоном? – в нетерпении возразил Вильмовский.

– Для знатоков много чего, – ответил Смуга. – У живых фараонов борода изображалась с прямо срезанным концом, у умерших же – со скошенным, полукруглым. Борода с полукруглым концом уподобляла фараона божеству мертвых, Осирису.

– Это значит...

– Это значит, дорогая Салли, – не дал перебить себя Смуга, – что поднос был изготовлен и пожертвован после смерти властителя. Может, это сделал тот, кто его любил? Не будем забывать, что Тутанхамон скончался в очень молодом возрасте.

– Какое хитроумно выстроенное суждение, – заметил Вильмовский, а Новицкий, поглаживая свою закругленную на конце бородку, усмехался про себя.

– А сколько же их, этих фигур? – допытывалась Салли.

– На подносе должно было быть четыре, но лорд получил его лишь с тремя: золотая представляла молодого владыку воином, алебастровая – пастухом, а деревянная – богом Осирисом... У меня есть фотографии, потом все рассмотрите.

– Значит, одной фигурки не хватает... Почему?

– Точно! Кто, когда и для чего отделил ее от подноса?

– Вот на этот вопрос и необходимо отыскать ответ. Может, нам улыбнется удача? Все говорит о том, что поднос нашли в гробнице Тутанхамона, то есть в Долине царей. Мой знакомец лорд вполне допускает, что преступники вскрыли гробницу.

– Которая, по мнению некоторых, вообще не существует...

– И это тоже предстоит установить, – завершил повествование Смуга.

Наступило молчание.

– Может, это был поединок двух великих фараонов, – как бы про себя предположила Салли.

– Что ты сказала? – переспросил ближе всех сидящий к ней Новицкий.

Салли повторила фразу.

– Не надо так шутить, голубка, – предостерег ее суеверный капитан.

– Я не шучу, – решительно возразила Салли. – Может быть, это будет встреча истинного короля приключений с фараоном из Долины царей!

V

Беседы на серьезные темы

Приезд Смуги и его интригующая история внесли оживление, но не изменили ритм жизни друзей. Уехать из Каира без конкретного плана действий они не могли. И выработать такой план было невозможно без дополнительных сведений, именно они и обеспечивали осуществимость плана. Казалось, что поляки по-прежнему беспечно бродят по улицам Каира, посещают все предназначенные для туристов места. Но часть прогулок служила уже иным целям.

На первую такую прогулку отправились Вильмовские и Смуга. В безупречно пошитых европейских костюмах они ехали в двуконном экипаже вдоль Нила. Смуга, знавший пару арабских слов, давал указания вознице. Они как раз подъезжали к мосту Эль-Тахрир.

– Яминак⁶⁸, – скомандовал Смуга, ткнув тросточкой возницу в плечо.

Видимо, дорога была ему хорошо знакома.

– Шималак!⁶⁹ – велел он и вскоре приказал остановиться.

Средневековой колотушкой они постучали в большую дверь. Отворил темнокожий, одетый в белое, слуга. Названные Смугой имена он воспринял без эмоций.

– Вас ожидают, – сообщил он. – Прошу сюда.

Проводив обоих в просторную гостиную, слуга предложил им сесть на мягкие кресла.

– Прошу подождать, – сказал он и вышел.

Вильмовские с любопытством оглядывали изысканную обстановку гостиной. Их внимание привлекли солидная мебель в английском стиле и красивый мраморный камин. Над ним и над окнами, завешенными идеально гармонизировавшими с обстановкой гардинами, протянулся узорчатый карниз. Пол покрывал соответствующий стилю помещения пушистый ковер.

– Внутри английское консульство весьма напоминает дворец магараджи⁷⁰ Алвара, – шепотом заметил Томек.

– Ох уж этот британский колониальный шик... – усмехнулся Смуга.

Долго дожидаться не пришлось. В гостиную неторопливо вошел элегантно одетый полноватый джентльмен. Он приветствовал Смугу как старого знакомого. Когда же Смуга представил Вильмовских, он с особой сердечностью пожал руку Томека.

– Да-да, молодой господин Вильмовский, верно? – уважительно произнес он. – Наслышан о вас и рад познакомиться лично. Понимаю, что ваш визит продиктован не только чистым любопытством, но и кое-чем посерьезнее, – добавил он, явно имея в виду разговор со Смугой.

Получив подтверждение, джентльмен решил без долгих предисловий перейти к делу. Звероловы выслушали его предложения, попивая великолепный кофе, поданный черным боем-нубийцем.

– Должен заметить, господа, что это дело имеет массу аспектов. Прежде всего, разумеется, связанный с законностью. Сравнительно недавно многим состоятельным коллекционерам были предложены весьма ценные древние предметы культа и повседневного обихода, якобы обнаруженные в Долине царей. В отношении их части дело обстоит именно так. Поговаривают о том, что пропало даже несколько мумий! – пошутил он. – Но в основном это безупречные подделки.

Сделав краткую паузу, джентльмен вполне серьезным тоном продолжил:

⁶⁸ Яминак – налево (араб.).

⁶⁹ Шималак! – Направо! (араб.)

⁷⁰ Магараджа – «Великий царь», высший титул правителя княжества.

– Судя по всему, переговоры ведет всегда один и тот же субъект. В донесениях полиции Италии, Франции и Англии он проходит под прозвищем Фараон. Есть сведения и о том, что он представляется так: «Я – Владыка Долины», или же «Я – Железный властелин», или «Железный фараон». Является всегда вечером, оставляет для ознакомления несколько подлинников. А пару-тройку дней спустя осуществляется купля-продажа фальшивок. Фараон обычно советует не обращаться в полицию. Однако один из пострадавших все-таки решил подать жалобу служителям закона. Преступник ловко избежал расставленных силков, а обратившийся в полицию коллекционер через две недели скончался от совершенно непонятного, неизвестного доселе медицине заболевания.

– Месть фараона, – вполголоса произнес Смуга.

– Вот-вот, именно это название быстро вошло в обиход, а большинство коллекционеров после этого случая будто воды в рот набрали.

– Понятно. Вы описали уголовный аспект. А каковы остальные?

– Это может показаться неправдоподобным, но есть и аспект политический. Знаете, господа, иногда кажется, что миром, мыслями и душами людскими... властвуют журналисты. И в данном случае в прессе начались нападки: мол, расхищают нашу собственность, до британских колоний никому нет дела, а правительство никак не реагирует. Французы стали вывозить наши сокровища еще при Наполеоне, да и сейчас вывозят. Вопли бульварной прессы должным образом оценила оппозиция, и пошло-поехало... А между тем выборы на носу.

– Как я понимаю, – перебил его Смуга, – срочно требуется какая-нибудь хорошая новость, чтобы перебить те, которые сейчас публикует пресса.

– Ну, я не стал бы так упрощать. Важнее всего раскрыть преступление. Британское правительство, естественно, готово оплатить все расходы.

– А другой помощи, кроме финансовой, от вас нам ждать не приходится? – не без иронии спросил Томек.

– Я гарантирую всяческое содействие властей и местной полиции, – заверил англичанин. – Недавно я звонил одному из чиновников нынешнего хедива⁷¹. Он готов принять вас, это доброжелательный человек. С вашего позволения, я с ним свяжусь... На какое время назначить встречу?

– Чем скорее, тем лучше, – предложил Вильмовский. – Хоть завтра, если возможно.

– Сию минуту выясним. Я покину вас ненадолго.

Когда англичанин вернулся, обсудили еще ряд вопросов, но Вильмовский и Смуга не стали затягивать встречу. Дескать, намеревались вернуться домой до начала сиесты. Любезный англичанин предложил им автомобиль – новомодное в аристократических и дипломатических кругах изобретение. Гости попросили отвезти их в центр города, где у них была запланирована встреча с друзьями.

Новицкий с Патриком и Салли уже дожидались их на площади Оперы. Все вместе осмотрели утопавшее в зелени скверов здание театра в стиле модерн и посетили – что давно обещали Патрику – ботанический сад и зоопарк. Зоопарк оказался огромным – нечего было и думать о том, чтобы обойти его до полудня. Задержались только у нескольких клеток. В ботаническом саду компания остановилась лишь у небольшой плантации папируса. Это растение интересовало всех, ведь в результате хозяйственной деятельности человека и изменения климата в дельте Нила папирус в Египте почти полностью исчез. Домой вернулись только к вечеру.

На следующее утро была назначена встреча в самой известной древней части Каира Эль-Джамалия⁷². Там проживал один из чиновников и близких сотрудников хедива Ахмед ас-Саид.

⁷¹ Хедив – титул правителей Египта в 1867–1914 годах.

⁷² Эль-Джамалия – наиболее часто посещаемый туристами район Каира. Славится многими памятниками исламской культуры. Здесь находится знаменитый рынок Хан эль-Халили.

- Занятный человек, надо думать, – предположил Смуга.
- Слушай, Ян, поезжайте-ка вы с Томеком без меня. Я не дипломат и не ученый... – заупрямился Новицкий. – А мы с Анджеем займемся подготовкой к экспедиции.
- И еще вздремнем, – хитро улыбнулся Смуга.
- Возьмите с собой Патрика, – предложил Вильмовский.
- Чтобы он там бог знает что учудил, – улыбнулся Смуга. – К чему этот проказник ни притронется...

Важнейший орган **слона** – хобот, продолжение носа, отличающийся подвижностью, чувствительностью и особенно пальцеобразным отростком на конце. Он служит одновременно органом обоняния, осязания и хватания, заменяя для слона недостающую ему верхнюю губу, пальцы и кисть руки. <...> Очень замечательны зубы слона. В верхней челюсти у него – два чрезвычайно развитых, растущих непрерывно, бивня, которые соответствуют резцам, но нет клыков, и обыкновенно лишь по одному коренному зубу в каждой челюсти. Последний состоит из значительного числа связанных между собой пластинок эмали, которые образуют на жевательной поверхности у азиатского слона лентообразные, а у африканского – ромбовидные фигуры. Раз шесть во всю жизнь происходит замена этих зубов новыми, вырастающими позади старых... <...> Усиленное преследование слонов со стороны человека повело к сильному сокращению их и сделало этих животных очень чуткими и осторожными. (А. Брэм. *Жизнь животных*, т. 1.)

– Дядя, я хочу с вами! – упрашивал мальчонка. – Обещаю, что буду хорошо себя вести.

Вчетвером – прихватив радостного Патрика и Салли – они отправились в центр пройти по рынку Хан эль-Халили, растянувшемуся не на один километр между площадью Оперы и зданиями университета Аль-Азхар. Лавчонки сияли всеми цветами радуги. Среди покупателей преобладали домохозяйки в длинных, до пят, темных платьях, с закрытыми черными платками лицами. Некоторые были с грудными младенцами на руках, а за юбки цеплялись дети постарше. Несмотря на ранний час, покупатели уже возвращались домой с полными корзинами.

Внезапно уличный шум – и без того громкий – прорезали звуки дудок, свистков, удары в бубны. По улице в сторону площади Оперы тянулась странная процессия. В такт музыке дви-

гался в окружении артистов дрессированный слоненок. Труппа с энтузиазмом играла нечто в ритме марша, за ними браво шагали местные мальчишки с деревянными карабинами. Слон время от времени запускать хобот в корзинки возвращающихся с базара женщин, выбирая лакомства получше.

– Дядя, смотри! Смотри! – восторженно воскликнул Патрик.

Слоненок повернулся в их сторону, заметил стоявшую Салли с корзинкой фруктов и бесцеремонно вытащил из нее крупный апельсин. Толпа пришла в полный восторг. Раздались аплодисменты, притоптывания, гортанные выкрики. «Оркестр» заиграл еще громче. Патрик вытаскивал у Салли из корзины один апельсин за другим и скармливал их слону. Смуга достал деньги и отдал молодым циркачам бакшиш. Так им бы пришлось вернуться на площадь Оперы, если бы не Томек, которому удалось наконец оттащить Патрика от слоненка. Позже они добрались до улицы Каср-эш-Шаук без каких-либо приключений.

* * *

Человек, с которым у них была назначена встреча, жил в тупиковой улочке в высоком доме с огромными дверьми, с висевшим на них бронзовым молоток. Ахмед ас-Саид бен Юсуф уже давно не спал. Как всегда, его разбудил призыв муэдзина, оповещающего о том, что «молитва праведнее сна». Одеваясь, Ахмед вспомнил о предстоящей встрече с чужестранными гостями, и его тут же охватили сомнения и неприязнь, хотя звонивший из консульства отзывался об этих людях весьма положительно. Однако египтянин предпочел принять их дома, где визит могли заметить лишь близкие да соседи, а не на работе. И сейчас задумался, как одеться – то ли в европейский костюм, то ли в арабскую одежду. «Что произведет лучшее впечатление», – ломал он голову, сощуривая черные, и так узкие, глаза. В целом же Ахмед оказался доволен, поскольку знал, что посетителей привел к нему вопрос конфиденциального

характера, а это свидетельствовало о доверии. А египтянин, согласно утверждениям его же родственников, ради собственных интересов готов был на все. Уверенность вернулась к нему, как только он решил предстать перед гостями в облачении правоверных мусульман и угостить их скромным арабским завтраком.

Полностью готовый и одетый, хозяин отдал распоряжения слугам.

– Бисмалла⁷³, – как обычно сказал он самому себе, приступая к работе и глядя на выведенные над дверьми первые слова Священной книги – Корана.

Ахмед несколько опешил, увидев среди гостей женщину и ребенка, но тем не менее пригласил всех к столу. Подали фул⁷⁴ с яйцами, горячий свежий хлеб, тарелочки с сыром, лимоном и специями: солью, перцем, различными видами паприки – от сладких до самых острых. Как раз острая приправа и привлекла Патрика, который, воздав ей должное, тут же зашелся кашлем. Хозяин дома едва заметно улыбнулся.

– Это шатта⁷⁵, – предостерег он, – очень острый перец!

Во время завтрака пили крепкий, сладкий, горячий, мятный чай. На десерт подали пирожные и фрукты – манго, бананы, фиги, абрикосы, апельсины и громадную гору разных видов фиников. Патрику больше всего понравились басбуса – пышные пироги с сушеными фруктами. Хозяин предложил гостям кофе и попросил свою жену увести к себе Салли с Патриком. Наступило время серьезного разговора, так что присутствие женщин и детей было ни к чему.

Патрика и Салли пригласили на женскую половину дома. Жена хозяина провела через свои владения. Салли больше всего понравилась машрабия – нечто вроде оконца-балкончика с темно-зеленой деревянной решеткой. Через ее узкие щели арабские женщины, оставаясь невидимыми, могли разглядывать происходившее на улице. Салли, стоя у окна, наблюдала за оживленным уличным движением и размышляла о нелегкой участи жены араба. Внезапно ее внимание привлекла странная фигура.

Феллах либо бедный араб. В толпе он явно чувствовал себя неуверенно. Казался испуганным, потерянным. Робко озираясь и то и дело останавливаясь, он направлялся к дому Ахмеда. Остановившись у входа, араб огляделся еще раз, после чего постучался.

– К вам гость, – обратилась Салли к жене Ахмеда.

Та выглянула через решетку.

– А, это Садим.

– У него такой перепуганный вид, – подметила Салли.

– Это новый слуга моего мужа. Он из деревни, которая неподалеку от Долины царей. Муж принял его по рекомендации одного знакомого. Садим, видно, никогда не бывал в большом городе, вот поэтому ему и не по себе, – пояснила хозяйка.

– Да, это заметно, – улыбнулась Салли. «Из Долины царей! Какое совпадение», – подумала она.

Садим вошел в дом, а женщины отвели Патрика на крышу. Там обнаружился сад, в котором росли жасмин и фасоль. Здесь важно расхаживали куры, а из-под ног взлетали голуби. Сад выглядел ухоженным – повсюду можно было видеть большую заботу о месте, где отдыхала жена египетского сановника.

Женщины обменялись соображениями по вопросам приготовления пищи, и Салли даже записала парочку рецептов египетских блюд.

⁷³ *Бисмалла* – сокращение от первых слов Корана «Би исми Аллахи Ар-Рамани Ар-Рахими» (Во имя милосердного, всемогущественного Бога). Мусульмане начинают с этими словами все важные дела.

⁷⁴ *Фул* – традиционное кушанье из бобов на Ближнем Востоке и в Египте.

⁷⁵ *Шатта* – острый красный перец.

Мужчины тем временем заканчивали беседу. Ахмед старался быть как можно приветливее, но не сказал ничего нового. Он подтвердил, что да, кое-что слышал и читал в газетах о контрабанде, но ведь этим занимаются с незапамятных времен.

– У нас есть сведения, что след ведет в Каир. – Смуга явно пытался вытянуть из араба побольше фактов.

– В этой стране абсолютно все проходит через Каир, – уклончиво ответил хозяин. – Мне трудно оценить имеющиеся у вас сведения, я ведь не служу в уголовной полиции. – Тон его стал заметно резче, чувствовалось, что тема его раздражает. Но тут же, чтобы сгладить впечатление, предложил посетить знаменитую мечеть Аль-Азхар, самый красивый храм в городе тысячи мечетей, как называли Каир.

В этой мечети располагался университет, в котором многие века обучались самые выдающиеся знатоки Корана. Через ворота – а их было шесть – Ахмед ввел своих гостей на Сахн – главный внутренний двор, вымощенный белыми мраморными плитами. Вокруг тянулась внутренняя галерея, опиравшаяся на колонны с арками. Посередине журчал фонтан. Вода из разных кранов стекала в бассейн, где правоверные перед молитвой омывали руки и ноги.

В одном из уголков двора на корточках сидели ученики из разных стран мусульманского мира. Кого здесь только не оказалось! Бросались в глаза высокие, стройные тунисцы в разноцветных галабеях. Лекцию старого, бородатого, облаченного в темную галабею и рыжеватый плащ наставника слушали и коренастые персы в темных тюбанах; берберы с толстыми губами и глазами навывкате; и низкорослые худощавые сирийцы с острыми чертами лица, в белых куфиях, с черными налобными повязками. Египтяне-старцы, сидевшие рядом с молодыми, внимательно вслушивались в слова учителя. Поражали воображение элегантные фигуры марокканцев и ливийцев в европейской одежде. Ахмед кивнул старому шейху⁷⁶, ведущему занятия с разношерстной группой студентов. Тот ответил поклоном, сложив руки как для молитвы.

⁷⁶ Шейх – староста деревни у некоторых народов Ближнего и Среднего Востока.

В восточном крыле мечети помещался приют для слепых, Завият эль-Умьян.

– Это одна из самых распространенных у египтян болезней – воспаление глаз, ведущее к слепоте, – объяснил Ахмед. – Эти люди страшно несчастны.

Так оно и было. Вид незрячих потрясал душу. Они выставляли напоказ невидящие, покрасневшие и гноящиеся глаза, обнажали шрамы и язвы, чтобы пробудить сочувствие у прохожих.

– Ради Аллаха, – взывали они, прося о подаянии.

Обитатели приюта вместе с нищими и паломниками поджидали имамов, раздававших через день – по давней традиции – оливки, хлеб и фул.

Простившись с хозяином, путешественники зашли в кофейню утолить жажду. За выставленными на тротуар столиками сидели мужчины, пили кофе. Почти все курили, кое-кто играл в триктрак⁷⁷. Некоторые нагло глазели на Салли, но приставать к девушке не решались – она была в сопровождении мужчин.

⁷⁷ *Триктрак* – старинная игра, состоящая в передвижении по доске шашек соответственно числу очков, выпавших на костях.

VI

Патрик в Вавилоне⁷⁸

Овзрослых участниках каирского путешествия смело можно было сказать, что осмотр памятников и розыски, проведенные в последние дни, даже если они не приносили удовлетворительного результата, заполняли их время без остатка. С Патриком дело обстояло иначе, тот все еще ждал, что вот-вот произойдет нечто важное, связанное только с ним, с его предназначением в жизни. Мальчик чувствовал себя вполне счастливым и в безопасности. Однако он отправился в путь из семьи, терпящей нужду, и перенес столько трудностей, что искренне верил: настанет день, и он, как и его отец с дедом, найдет свое «сокровище». «Чем больше отдашь – тем больше получишь» – в этой истине мальчик не сомневался. В тот самый миг, когда все его надежды, казалось, рухнули безвозвратно, ему повстречались добрые люди. Он поверил им, полюбил их и хотел вместе с ними принять участие в небезопасной экспедиции.

Взрослые друзья интуитивно понимали переживания мальчика, хотя у них сложилось мнение, что там, где оказывался Патрик, всегда что-то случалось. По отношению к Патрику все они ощущали нечто вроде вины, в особенности Смуга, который давно привязался к мальчугану, а также капитан Новицкий, сразу полюбивший маленького «негодяя». Оба как раз собрались в очередной поход за важными сведениями в самый древний район Каира, заселенный в основном коптами – немногочисленными христианами, являвшимися прямыми потомками древних египтян. Оба решили взять с собой Патрика, чтобы мальчишка не скучал.

Из центра города они доехали на электротрамвае до конечной остановки. Здесь их сразу окружили погонщики ослов, предлагавшие свои услуги. Каждый расхваливал до небес своих животных, кто-то на ломаном английском, французском либо итальянском, большей частью же по-арабски, то есть жестами.

- Самый красивый осел в Каире! – вопил один хаммар⁷⁹.
- Моя животный быстро, быстро! – кричал другой.
- Скачет осторожно, – хвастался третий.
- Спокойный ослик, спокойный ослик, – назойливо повторял четвертый.

Все толкались, размахивали руками, кричали. Перепуганный Патрик, схватив за руку могучего Новицкого, прижался к нему. Конец этому положил Смуга, неожиданно повысив голос, – парочка слов по-арабски привела в чувство всех.

- Патрик, на каком ослике поедешь?

Из-за плеч Новицкого, защитивших его от неприятностей, Патрик уже присмотрелся к погонщику, чуть старше его самого. Тот даже не решался и близко подойти к путешественникам. Патрик указал на него. Новицкий со Смугой, тоже выбрав себе «средство передвижения», отправились в путь.

- Маср эль-Атика, Абу-Сарга!⁸⁰ – бросил Смуга.

Египетские ослы хоть и меньше европейских, зато послушнее. Эти тихие, спокойные животные, уже тысячу лет служившие человеку, считались верными друзьями. Где их только не было – на больших и малых улицах Каира, в деревнях и небольших городишках... Смуга,

⁷⁸ Вавилон – в древности крупнейший город на Ближнем Востоке. Находился в северной части Двуречья на берегу Евфрата.

⁷⁹ Хаммар – погонщик ослов (араб.).

⁸⁰ Абу-Сарга (церковь Святого Сергия; ранее – святых Сергия и Вакха) – церковь, возведенная коптами в IV веке над пещерой, где, по преданию, три недели находилось Святое Семейство во время возвращения из Египта. Почитаются святыми мучениками, вероятно с III века. Сергий и Вакх были офицерами в римской армии и занимали важные должности до тех пор, пока не стало известно, что они тайные христиане. За это их подвергли жестоким пыткам, во время которых Вакх и Сергий погибли.

Новицкий и Патрик О’Донелл, сидевшие в необычных, но удобных седлах, медленно пробирались в толпе таких же наездников, среди которых преобладали местные жители, однако встречались и иностранцы всех сословий и национальностей. Миновав широкие улицы европейской части города, путешественники углубились в лабиринт крутых узких переулков восточных кварталов. Ехали мимо обветшавших домов, кое-как слепленных из высушенного на солнце кирпича, покосившихся лачуг, приютивших жалкие лавчонки. Приходилось пробиваться через скопления телег, повозок, тачек, пролеток с людьми или груженых товарами.

Внезапно ослы, будто сговорившись, ускорили шаг. Сигналом послужил громкий рев одного из них. Оскалившись, словно в мрачной усмешке, животное страшно вопило. Что это было – приказ или же призыв к состязанию? И началась безумная гонка по узким улочкам повозок, верблюдов, слонов... Погонщики вовсе не пытались утихомирить своих животных, напротив, все стремились, чтобы именно его осел опередил остальных.

– Ова!⁸¹ Ова! – или: – Варда!⁸² Варда!

⁸¹ *Ова!* – Поберегись! (араб.)

⁸² *Варда!* – Осторожно! (араб.)

Чудом, а возможно, благодаря ловкости погонщиков, нашим героям удалось не остаться без ног, не столкнуться с другими седоками, не переехать какого-нибудь разиню чистильщика обуви, торговца, разносчика воды, собирателя навоза.

В конце концов, по распоряжению Смути погонщики успокоили ослов. Звероловы уже были неподалеку от руин старого Вавилона и остановились, задумчиво оглядывая остатки некогда великолепных зданий, полузасыпанные желтоватым песком пустыни. Новицкий, отерев пот со лба, выдохнул:

– Ну и скачки!

– Темпераментные ребята эти погонщики! – согласился Смуга. – Хотя я сам вроде держусь в седле, но так мастерски править ослами да вдобавок в такой толчее я бы ни за что не смог.

– Дядя! – признался Патрик. – Это все я!.. Это я попросил своего проводника ехать быстрее.

– Ну и ну, – только и смог сказать Новицкий.

Далее они ехали уже куда спокойнее, снова блуждая в лабиринте улочек, пока наконец не добрались до цели.

– Абу-Сарга!⁸³ – громогласно объявил самый старший из проводников.

Убогое обшарпанное сооружение ничем не напоминало самый древний христианский храм в Каире. Путешественников тотчас же окружили полуголые ребятишки, повели их извилистыми коридорами во дворик и ввели в храм. Те, что постарше, завернув рукав, показывали знак креста, намалеванный на руке зеленой краской. В преддверии храма в пол был вделан огромный сосуд с водой, предназначенный для омовения рук и ног перед службой. В дни празднеств здесь были места для женщин, мужчин и духовенства. Убранство церкви выглядело крайне убогим, христианские мотивы переплетались с элементами арабской культуры. Новицкий и Смуга шли вслед за Патриком сперва по деревянному, затем по глинобитному полу, покрытому на восточный манер потертыми ковриками. Под ногами шуршала вездесущая пыль пустыни. У алтаря с парой свечей и крестом заканчивалось богослужение. Дым от кадила⁸⁴ уходил вверх под самый свод. Алтарь окружала деревянная, напоминающая иконостас, ширма, увешанная дощечками из слоновой кости и дерева. Барельефы изображали сцены из жизни Христа. Среди этой экзотики Мария, Иисус, Иосиф и ослик показались полякам на удивление родными. Волнение подступило к горлу, а мысли улетели куда-то далеко.

Священник, склонившись в глубоком поклоне, подал службе кадило. В эту же минуту из группы стоявших у алтаря прихожан выбежал человек и, вырвав из рук растерявшегося служки священную утварь, молниеносно скрылся, прежде чем кто-либо успел опомниться. По церкви пронесся крик, все выбежали во двор, но вскоре ни с чем вернулись в храм. В этой суматохе Смуга с Новицким потеряли Патрика. Никакие расспросы не помогали – никто мальчика не видел, другие же прикидывались, что не понимают по-английски.

Не помогли и немногие арабские слова, которые знал Смуга, а может, копты просто не хотели их понимать. Мальчишка же будто в воду канул. И только перспектива отхватить приличный бакшиш наконец отворила память и уста.

– Видел, видел! – воскликнул кто-то. – Ваш мальчик побежал вон туда! – И махнул рукой в сторону одного из закоулков.

Другие присоединились к нему и тоже начали размахивать руками, показывая в противоположном направлении.

– Туда! Нет, туда! – спорили арабы.

⁸³ *Абу-Сарга!* – Святой Сергей! (*араб.*)

⁸⁴ *Кадило* – металлический сосуд на длинных цепочках с прорезной крышкой, служащий в православном и католическом богослужении для курения ладаном.

Тут священник-копт, решив утихомирить прихожан, стал расспрашивать их, а поскольку прилично изъяснялся по-английски, поляки вполне его поняли.

– Похоже, мальчишка бросился за вором, – сказал он.

Священник не позабыл упомянуть и о том, что кадило – гордость церкви и сама по себе ценная вещь, поскольку было украшено бриллиантами.

* * *

Выросший в закоулках Дублина, Патрик не потерялся и не упустил из виду быстрого и ловкого вора. Юный ирландец крался, минуя людей, повозки и животных. К счастью, вор и не пытался петлять и прятаться, будучи уверенным, что его никто не преследует. Мелькающей за ним маленькой фигурки он не заметил.

Патрика, можно сказать, ноги сами несли, он и не раздумывал, бросаясь в погоню за воришкой. Благоразумие пришло к нему позже. Наконец-то и он сможет доказать всем, что способен на поступок, отблагодарить старших, стереть память о минуте слабости, когда Смуга видел его плакавшим, убедить всех, что он не только смелый, но и достаточно взрослый и что ему вполне можно доверять. Патрик был в восторге и сразу понял, что от него требовалось.

Мальчик стал запоминать детали. «Вот рядом с этим домом – храм, – отмечал он в памяти. – А вот целый ряд лавок. Справа развалины, слева – домишки. А там, у спуска, – поворот».

Вслед за вором Патрик шел в сторону реки, потом вдоль бульваров по дороге, которая вела к острову Гезира, где раскинулся целый город на реке. Люди жили на лодках, барках, плотах – в зависимости от достатка. Здесь, судя по всему, проживала беднота. Людей встречалось не много, но Патрик, в его европейской одежде, старался не попадаться им на глаза. К счастью, не было нужды забираться вглубь этого непонятного квартала, поскольку лодка, на которой, скорее всего, жил преследуемый, стояла одной из первых в длинном ряду.

Тем временем близилась весенняя прохладная ночь. Темнота наступила внезапно, температура вдруг резко упала. Патрик все еще выжидал, укрывшись за горой ящиков, хотя уже начинал мерзнуть. И все же он терпеливо следил за лодкой и думал, как бы незаметно вернуть похищенную собственность коптов. Мальчик старался ничего не упустить: ни одной преграды по дороге к лодке. Когда все вокруг погрузилось во тьму, в домах замигали светильники. И в лодке, за которой он наблюдал, тоже. Вор, очевидно, жил один, к нему никто не входил и не выходил. Съежившись от холода, Патрик наблюдал за ночной жизнью городка на реке. Люди ужинали, пели, укладывались спать. Мало-помалу гасли огни, замирало движение. Тишину нарушали лишь поскрипывание трущихся борт о борт барок, плеск воды, шум течения реки. В конце концов, погас огонь и на той лодке, за которой наблюдал Патрик. Было уже поздно, наверное за полночь, когда он стал к ней подкрадываться – при свете луны, тихо, как кот, останавливаясь и прислушиваясь. Так мальчик добрался до берега, а затем и до трапа, вошел на палубу и быстро подскочил к двери жилого помещения. Дверь свободно висела на двух петлях и скрипела в такт легкому колыханию волны. Это было очень кстати. «Значит, попасть внутрь нетрудно», – подумал Патрик. С минуту он стоял не двигаясь, потом наконец решился и толкнул дверь. Раздался скрип, прозвучавший в ушах юного ирландца громом.

«Р-р-раз! Вошел!» – приказал самому себе Патрик. Его все еще трясло от холода, но азарт согревал. Он стоял, вслушиваясь в тишину, ожидая, пока глаза не привыкнут к темноте. Внезапно его поразила мысль: «А что, если вор спрятал кадило? Как я его найду?»

Но того, что в помещении слишком темно и свободно передвигаться будет затруднительно, Патрик не учел. Вот он почти у цели – и такая неудача. На столике у постели он разглядел контуры масляного светильника. До него долетало ровное дыхание спящего на кровати человека.

«Он так крепко спит... Я зажгу светильник и найду», – прошептал Патрик, пытаясь подбодрить себя.

Мальчик на цыпочках приблизился к столику, высек огонь и зажег светильник, прикрыв огонь рукой, чтобы не разбудить спящего. И счастье улыбнулось ему! В углу, на груде разных предметов, лежало кадило. Патрик поставил светильник на край стола и, взяв украденную вещь, начал потихоньку пробираться к двери.

Он даже не заметил, что спокойное ровное дыхание спящего прекратилось и что проснувшийся человек следит за ним, Патриком, из-под полуопущенных век. Когда смельчак проходил мимо кровати, мужчина внезапно схватил его за руку. Мальчик принялся извиваться, как угорь, и мужчина, хотя и был сильным, не смог его удержать. Патрик заметался вокруг стола, беспорядочно размахивая кадилом. Шаткий стол вдруг наклонился от его движений, и светильник повалился на кровать, разбрызгивая горящее масло. Хозяин лодки схватил одеяло и стал гасить огонь, а Патрик, воспользовавшись этим, выбежал в темноту. В речных жилищах загорелись лампы, появились люди. Увидев выбежавшего из лодки мальчишку, кое-кто пустился за ним в погоню. Патрик стал петлять. «Всё как тогда на корабле, – думал он на бегу. – Только прыгать некуда, да и дяди нет рядом...»

* * *

Коптский священник убедил Смугу и Новицкого, что ночные поиски ни к чему не приводят. Они приняли его любезное приглашение и старались поддерживать разговор, несмотря на растущую тревогу.

– Ослы – действительно занятные животные, – сказал капитан.

– И здесь они совсем не такие, как у нас в Польше, – добавил Смуга.

– Наши ослы крупнее, но ленивее и упрямее! – усмехнулся Новицкий. – А ваши, милые создания, мне очень понравились. Хотя когда они понеслись как сумасшедшие, то кости мне перетрясли так, что я до сих пор еще в себя не пришел. – Он потянулся. – И ревут неплохо, не хуже корабельной сирены. Зато какие трудяги... И выносливые, просто диву даешься.

– Мы, наверное, неслись, как на скакуне, – предположил Смуга.

– Да, понравились мне ваши ослики, – повторил Новицкий. – Должен признаться, что однажды меня самого назвали ослом. Это произошло в детстве в Повислье, районе Варшавы. Есть там одна старая церковь Святой Троицы. Мой почтенный папаша, хоть и социалист, говаривал: «Бог еще никому не помешал» – и посылал меня, к величайшей радости матери, каждое воскресенье в костёл⁸⁵. Учился я и Закону Божию. Был там один ксендз⁸⁶ – старый, седой, худой как щепка. Все его любили, и я тоже, только учеником я оказался не очень послушным, да на каверзные вопросы был горазд. Как-то раз ксендз взял меня за ухо и, вздохнув, произнес: «Ну и осел же ты... *Asinus asinorum saecula saeculorum*»⁸⁷. И с этого времени меня сажали отдельно от всех.

– Ослы, о которых мы читаем в Библии, – послушные, тихие, мудрые животные, – заметил священнослужитель. – О них упоминается в двадцати шести стихах Ветхого Завета, а о верблюдах – только в двадцати. Осел – единственный из всех животных удостоился чести везти на своей спине Господа нашего Иисуса Христа. С осликами в Библии можно сравнить только агнца.

– Верно, верно! – согласился Новицкий. – Когда пророк Валаам не пожелал слушаться Бога, с ним заговорила ослица. Вообще, это животное считается олицетворением мудрости. Мне это все объяснил тот ксендз, когда я уже не на шутку обиделся, но мы с ним все же помирились.

– Что же, милейший мой Тадек, оказывается, и осел не всегда бывает ослом! – улыбнулся Смуга и продолжил: – Мои самые ранние воспоминания тоже, если можно так выразиться, связаны с религией. Оба моих деда – и со стороны отца, и со стороны матери – участвовали в восстании поляков 1863 году против завоевателей. Один из них дожил до восьмидесяти лет, мне было тогда три года. Помню все, как в тумане. Детали мне рассказали родители.

Я тогда остался дома один, а все пошли прощаться с умирающим. Я заигрался, забыв, что дома никого. И вот передо мной возникла расплывчатая фигура, в которой я узнал любимого дедушку. Он мне улыбался. А я стоял и смотрел на него. Он вроде как махнул мне на прощание, а потом постепенно исчез. О его смерти мне сообщили на следующий день, только я не поверил. «Это неправда, – протестовал я. – Он вчера приходил ко мне. Неправда, что дедушку *погробили!*» Это я так выразился. И описал им свое видение.

– Я тоже пережил нечто подобное, – подхватил Новицкий. – Я уже тебе рассказывал, Ян, мой сон⁸⁸. А может, это была явь? Однажды я проснулся, а передо мной какая-то фигура. Некто с лицом, закрытым монашеским капюшоном, все повторял одну фразу: «Ты и так не умрешь своей смертью, ты и так не умрешь своей смертью». Я всего себя исципал, но то оказалась реальность, не сон! И, сожри меня кит, вся моя жизнь подтверждает эти слова!

– Я всегда предсказывал тебе, Тадек, что ты не умрешь в своей постели, – перебил его Смуга.

– Через многие необыкновенные события к нам обращается Бог наш, – этими словами священник подвел итог неторопливой беседе, которую путешественники вели, чтобы скрасить беспокойную и так долго тянувшуюся ночь.

⁸⁵ Костёл – церковь (польск.).

⁸⁶ Ксендз – священнослужитель в католической церкви в Польше.

⁸⁷ «Осел из ослов во веки веков» – латинская поговорка.

⁸⁸ Об этом случае читайте в книге «Томек в Гран-Чако».

Еще вечером он просил своих единоверцев помочь всем, чем можно. Теперь оставалось только ждать. Поляки отдавали себе отчет в том, что поиски мальчика в этом огромном городе, где не любят европейцев, где есть такие кварталы, куда и полиция остерегается заглядывать, – дело очень сомнительное. Настал момент, когда обходить этот вопрос молчанием стало невозможно. Они попробовали взвесить шансы. Особенно беспокоился Смуга.

– Мальчишка бросился догонять вора. Это же опасно!

– Но ведь ты сам, Ян, говорил, что это очень смелый пацан, – успокаивал его Новицкий, добавив, что и сам не раз в этом убеждался.

– Но он же еще ребенок!

– Ты лучше покажи мне мальчишку, который способен принимать такие смелые решения, – не уступал моряк.

– Скорее безрассудные, – со вздохом ответил Смуга. – Всегда надо взвешивать за и против...

– «Но силы измеряйте стремлением благим», – процитировал поэта⁸⁹ Новицкий.

– Мы всегда должны учитывать вероятность успеха... А что вы, отец, думаете об этом? – обратился Смуга к священнослужителю, который молча слушал их.

Он ответил:

– Бог учит: «Или какой царь, идя на войну против другого царя, не сядет и не посоветуется прежде, силен ли он с десятью тысячами противостать идущему на него с двадцатью тысячами? Иначе, пока тот еще далеко, он пошлет к нему посольство просить о мире».

– Не соглашусь, шанс есть всегда, – возразил Новицкий. – И мы не раз ставили все на одну карту.

– Только если у нас не было иного выхода, – уточнил Смуга.

Незадолго до рассвета раздался стук. Копт поднялся, открыл дверь. На пороге стоял низкорослый человек, с ног до головы закутанный в галабею с капюшоном, плотно прилегающим к голове. С минуту он стоял молча и наконец сказал голосом, срывающимся от усталости:

– Я это... Это я, дядя!

– Патрик! – в один голос выкрикнули Смуга и Новицкий, срываясь с места. Из-под капюшона выглянула бледная, усталая, веснушчатая физиономия. Мальчик вручил священнику вновь обретенное кадило и утонул в объятиях друзей.

Когда все чуть успокоились, Патрик подробно описал, что с ним произошло:

– Ну вот... я... бежал... Нет, я головы не терял, как там... ну, на корабле. Дядя ведь говорил, что выход есть всегда и не надо сразу ломиться очертя голову. Я увидел, что на веревке сушится белье, и спрятался. А потом выбрал вот это, оно поменьше... И он как помчался за мной! Но не догнал! – Глаза у мальчишки горели.

⁸⁹ Фрагмент стихотворения Адама Мицкевича «Песня филаретов».

Новицкий шепнул Смуге:

– Ну и что теперь делать с этой одеждой?

– Вернуть, разумеется, – тоже шепотом ответил Смуга.

Так и поступили. Позднее они сообщили все полиции, к которой их отвел священник. Вместе с двумя египетскими стражами порядка путешественники отправились на баржу, естественно никого там не застав. Соседи, понятное дело, ничего не видели и не слышали. Тем и закончилось опасное приключение Патрика в Каире.

Только на следующий день поляки и мальчишка снова смогли посетить святое место и спокойно все осмотреть. Копт-священник ввел их в церковь и с поклоном указал на прямоугольный вход, через который по деревянной лестнице можно было спуститься в пещеру, где, как гласило предание, во время путешествия из Египта останавливалось Святое Семейство. Прибывшие осмотрели нишу, где спал младенец Иисус, небольшой грот, превращенный в склеп. Побывали в расположенном рядом с церковью недавно основанном коптском музее.

Теперь они могли спокойно поговорить со священником на интересующую их тему. Друзья получили от хозяина в дар коптские крестики; он вручил им рекомендательное письмо к своему другу, живущему неподалеку от Луксора, куда они рано или поздно должны были попасть, если хотели начать поиски в Долине царей. Путешественники уже возвращались домой, а Новицкий все еще бурчал себе под нос:

– Кит тебя слопай! Если бы я верил в переселение душ, точно бы подумал, что это юный Томек вселился в нашего Патрика. Как пить дать.

VII

Совещание друзей

За те немногие дни, которые Смуга провел в Каире, произошло столько событий, что никак не получалось встретиться всем вместе и все обсудить. И все-таки наступил такой вечер, не просто спокойный, а даже скучный – если бы кто-то спросил на этот счет мнение Патрика. И когда друзья собрались для важного разговора в снятой Смугой квартире, то оказалось, что первым делом надо разобраться с путаницей, царившей в головах, всё друг другу рассказать, разложить события по полочкам. Пока они выясняли, что известно одним, а что – другим, старший Вильмовский понял: ни он, ни Смуга так толком и не знают о событиях, произошедших в Каире, пока они оба были в Александрии.

К великой радости Патрика, Томек красочно рассказал о неудачной ночной экскурсии в Гизу, и все тут же отвлеклись от беспокоивших их проблем, поскольку Новицкий, перебирая имена поляков, прибывших в Египет с Наполеоном, задал вопрос, перенесший всех в иные, весьма интересные для них времена.

– А раньше, до Наполеона, поляки здесь бывали?

– О, эта милая польскому сердцу тема неисчерпаема, – отметил Томек. – Первым из известных польских путешественников побывал в Египте князь Николай Радзивилл по прозвищу Сиротка. В апреле 1583 года он отправился в Святую землю, а оттуда в Египет, куда добрался в августе. Здесь его приветствовали польские аисты, прилетевшие на зимовку. Князь очень забавно описывал в своем дневнике гиппопотамов, называя их морскими лошадьми, очень похожими на зубров, и удивлялся, почему у них нет рогов. Он рассказывал, что они уничтожают посевы риса и поэтому приходится копать охранные рвы или валы, чтобы животные не могли пробраться на поле.

– Да ты, братишка, его дневник как следует просмотрел, – удивился Новицкий.

– Не только просмотрел – прочел! – похвалился Томаш. – Могу сказать, что князь охотился на уток и на тех же гиппопотамов. Через Булак – в ту пору это была деревенька неподалеку от Каира, где его едва не схватили турки, – он добрался до столицы.

– Турки? – Новицкий проявлял все больший интерес к теме.

– Да, его приняли за французского купца, а те часто протаскивали сюда контрабанду, всячески обманывая турок.

– Надо думать, Радзивилл, будучи все-таки поляком и князем, сумел выкрутиться.

– В общем да, но только с помощью начальника таможни, еврея родом из восточных районов Польши.

– А потом так же, как и мы сейчас, изнывал от скуки в Каире.

– Как сказать. Он оказался очень внимательным наблюдателем и оставил описания города: мечеть Аль-Азхар, крепость... Обрисовал вид Нила во время разлива, составил отчет о вылазке на вершину пирамиды Хеопса и в Мемфис, к древним погребальным сооружениям. В то время это была весьма опасная экспедиция: рабы нападали на туристов.

– Нападали?

– В целях грабежа, естественно. Поэтому европейцы отправлялись туда большими вооруженными группами. Пока одна группа осматривала подземелья, другая охраняла их, оставаясь у входа. Бывало, посетителей живьем засыпали в этих подземельях.

– Радзивилл этот, вроде нас, вечно лез на рожон, – мрачно прокомментировал Новицкий. – Вообще-то, он мне нравится, хоть он и князь, буржуй...

– Не забывай, Тадек, что не всякий дворянин заслуживает осуждения, – рассмеялся Томек. – К примеру, наш английский лорд – вполне приличный человек.

– Ты прав, братишка, рассказывай дальше!

– Турецкие власти хотели арестовать его снова, из-за политики. Турция и Польша не на жизнь, а на смерть соперничали друг с другом. Турция являлась империей ислама, а Польшу называли оплотом христианства. Поэтому вполне в духе времени было под любым предлогом задержать такую важную птицу с нашей родины, как Раздвилл, чтобы потом сделать его разменной картой в переговорах с королем Стефаном Баторием. Однако князь и на этот раз не дался туркам, да еще вызволил из беды знакомых, которых бедуины обобрали до нитки, – добавил Томек.

– Знай наших! – Новицкий обвел гордым взглядом присутствующих.

– Потом они все вместе отправились в Александрию, где перед отъездом – обрати внимание, Тадек, – Радзивилл приобрел целый зоопарк.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.